

Я выбрала любовь, хотя это опасно
Лия Коннер

Лия Коннер

**Я выбрала любовь ,
хотя это опасно**

«Автор»

2026

Коннер Л.

Я выбрала любовь , хотя это опасно / Л. Коннер — «Автор»,
2026

Она должна была стать его женой. Но её младшая сестра украла её тело, лицо и судьбу. Лишённая всего, Кассандра бежит в глухую деревню, берёт имя Элисия и начинает жизнь с чистого листа. Единственный её союзник — карманное зеркальце, способное видеть правду сквозь любые иллюзии. На берегу реки она встречает того, кого боится потерять, — наследного принца Ксавьера, уставшего от войны и ищущего покоя. Он не узнаёт в ней свою невесту, но между ними вспыхивает чувство, которое может разрушить всё. Пока сестра в её теле плетёт дворцовые интриги с помощью магической розы, управляющей чувствами, Кассандра создаёт чернила, видимые только при лунном свете, — и это ремесло становится ключом к спасению королевства. Сможет ли она раскрыть правду, не потеряв любовь? Это история о том, что искренность и верность себе сильнее любой магии. История о том, что ради настоящего чувства стоит рискнуть всем.

© Коннер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ТАНЕЦ У РЕКИ	5
ГЛАВА 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИНЦА	17
ГЛАВА 3. ВОСПОМИНАНИЕ О БАЛЕ	22
ГЛАВА 4. СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ	26
ГЛАВА 5. ПОБЕГ	32
ГЛАВА 6. ПЕРВАЯ СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА	37
ГЛАВА 7. МАГИЯ ЧЕРНИЛ	41
ГЛАВА 8. ИНТРИГИ В ЗАМКЕ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лия Коннер

Я выбрала любовь , хотя это опасно

ГЛАВА 1. ТАНЕЦ У РЕКИ

*Свобода — это не место, где ты
находишься, а состояние души,
которое ты выбираешь, даже когда
весь мир говорит тебе, что ты
должна быть в клетке.*

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо над королевством Ронденмар в густые оттенки малинового, золотого и фиолетового. Лучи уходящего светила просачивались сквозь кроны старых дубов, создавая на траве причудливые узоры из света и тени, которые танцевали вместе с ветром. Река Терн, извиваясь серебряной лентой среди бескрайних полей пшеницы, отражала угасающее небо, превращаясь в зеркало, в котором мир казался перевёрнутым и почти нереальным. Это было одно из тех мгновений, когда природа словно замирала в ожидании чего-то важного, когда воздух становился гуще, а звуки — мягче, будто весь мир готовился к чему-то, что должно было изменить ход истории.

Кассандра стояла босиком на прохладной траве, чувствуя, как каждый стебелёк касается её кожи, словно природа сама приветствовала её. Она подняла руки к небу и позволила себе раствориться в этом мгновении. Ветер играл с её длинными каштановыми волосами, которые были распущены и спадали на плечи мягкими волнами — так она никогда не позволяла себе ходить в замке, где каждая прядь должна была быть уложена по строгим правилам этикета. На ней было простое льняное платье светло-зелёного цвета, которое сшила для неё соседка, вдова Марта. Оно было грубым на ощупь, совсем не похожим на те шёлковые и бархатные наряды, которые она носила в прошлой жизни. И это было чудесно. Она чувствовала, как ткань касается её кожи, как ветер проникает сквозь неё, и это ощущение было более реальным, чем все роскошные платья, которые она когда-либо носила.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Воздух пах речной свежестью, мокрой травой, полевыми цветами и чем-то ещё — чем-то неуловимым, что она никогда не чувствовала в замке. Запахом свободы. Запахом жизни, которую она сама выбрала. Никаких духов с примесью лилий и амбры, которыми пропитывались покои замка Торонт, никакого тяжёлого запаха воска от свечей и благовоний, которые использовали для маскировки запахов старого камня и сырости. Здесь воздух был настоящим. И она была настоящей. Впервые за двадцать два года она чувствовала, что дышит полной грудью, что каждый вдох наполняет её не просто воздухом, а жизнью, смыслом, свободой.

Она начала танцевать. Сначала медленно, неуверенно, будто тело вспоминало движения, которые были подавлены годами сдержанности и страха. Её руки дрожали, когда она поднимала их, и она чувствовала, как мышцы напрягаются, словно забыли, что такое двигаться свободно. Но постепенно она увлеклась, позволив себе двигаться так, как чувствовала. Её руки описывали плавные дуги в воздухе, ноги легко ступали по траве, и она кружилась в этом бесконечном поле, под этим бесконечным небом, чувствуя себя частью чего-то большего. Она была не герцогиней, не пешкой в политических играх, не дочерью, которая должна была оправдывать ожидания. Она была просто женщиной. Женщиной, которая танцевала у реки на закате. Женщиной, которая наконец позволила себе быть собой.

Слёзы текли по её щекам, но она не вытирала их. Это были слёзы облегчения. Слёзы радости. Слёзы освобождения. Она не плакала так ни разу в своей жизни — даже в детстве, когда умерла её мать, даже когда отец объявил о её помолвке с наследным принцем. Тогда она сдерживалась, потому что ей говорили, что леди не плачут. Она должна была быть сильной, она должна была быть идеальной, она должна была быть примером для младшей сестры. Но здесь, в этой деревушке, где никто не знал её настоящего имени и титула, она могла плакать сколько угодно. Она могла кричать, если хотела. Она могла смеяться громко и не бояться, что кто-то осудит её. Она могла быть собой.

Она кружилась и кружилась, пока земля под её ногами не начала вращаться вместе с ней, и она не почувствовала, что парит. В этот момент она была свободна. По-настоящему свободна. Свободна от ожиданий, от страхов, от необходимости быть идеальной. Она была просто Элисией — простой девушкой, которая делала чернила и танцевала у реки. Она была никем и одновременно всем. Она была той, кого никто не знал, и это давало ей силу, которую она никогда раньше не чувствовала.

Золотистые поля пшеницы простирались вокруг неё на много миль, колыхаясь под лёгким ветром, словно море, в котором можно было утонуть с головой. Высокая пшеница доходила ей почти до пояса, и когда она танцевала, её платье касалось колосьев, и они издавали тихий, сухой шелест, похожий на шёпот тысяч голосов. Этот шёпот был как музыка, как песня природы, которая сопровождала её танцу. Вдали виднелись холмы, покрытые изумрудной зеленью, а за ними — тёмная полоса леса, где, по слухам, жили лесные духи и древние магические существа. Лес был старым, как время, и хранил в себе тайны, которые никто не мог разгадать. Говорили, что там водятся единороги, что в глубине леса есть поляна, где исполняются желания, и что те, кто заблудился в этом лесу, могут выйти из него совсем другими людьми — если вообще выйдут.

На берегу реки возвышался старый дуб — огромный, величественный, с ветвями, которые простирались в разные стороны, словно руки, обнимающие мир. Его кора была покрыта мхом и лишайниками, а корни, толщиной с руку взрослого мужчины, уходили глубоко в землю, связывая его с древней историей этих мест. Говорили, что дубу было больше пятисот лет, что он видел приход и уход королей, войны и мир, любовь и предательство. Под его кроной искали убежище влюблённые, под ним назначали встречи тайные агенты, а иногда к нему приходили просто те, кто хотел побыть в тишине и покое. Кассандра полюбила этот дуб с первого дня, когда увидела его. Он казался ей хранителем, который видел её страдания и теперь наблюдал за её освобождением. Она часто сидела под ним часами, чувствуя его силу и мудрость, и он, казалось, отвечал ей тихим шелестом листьев, словно говорил: «Ты в безопасности. Ты дома».

Она остановилась на мгновение, чтобы перевести дыхание, и посмотрела на своё отражение в реке. Вода была такой прозрачной, что она видела каждый камушек на дне — гладкий, отполированный веками, будто сама природа растила их для того, чтобы кто-то однажды ступил на них босыми ногами. Но лицо, которое она видела в отражении, всё ещё было чужим. Овальное, с острым подбородком, тёмными глазами, которые всегда смотрели с вызовом, и губами, привыкшими к недовольной гримасе. Это было лицо Эстеллы — её младшей сестры, которая теперь носила её тело и жила её жизнью. Кассандра смотрела на это отражение и пыталась привыкнуть к нему, пыталась увидеть в нём себя. Но каждый раз, когда она смотрела в воду, она видела чужую женщину, которая смотрела на неё с той же растерянностью, которую чувствовала она сама.

Кассандра вздохнула и отвела взгляд. Она привыкала к этому новому лицу. Постепенно, день за днём, она начинала видеть в нём себя — не потому, что черты менялись, а потому, что душа, которая смотрела из этих глаз, была её собственной. Она знала, что рано или поздно она вернёт своё тело, но пока она была благодарна за возможность начать всё сначала. Она была благодарна за то, что могла быть Элисией, могла быть никем, могла быть свободной.

Она снова начала танцевать, на этот раз медленнее, более осознанно. Она двигалась под мелодию, которую пел ветер, под ритм, который задавала текущая вода. Её руки поднимались и опускались, как крылья птицы, и она чувствовала, как каждый мускул её тела расслабляется, как напряжение, которое она носила в себе годами, начинает таять. Она была подобна цветку, который наконец распустился после долгой, холодной зимы. Она была подобна птице, которая вырвалась из клетки и впервые почувствовала ветер под крыльями. Она была подобна реке, которая нашла путь к морю после долгих лет блуждания.

Где-то вдалеке слышался лай деревенской собаки, звон колокольчика на шее пасущейся коровы, редкий смех детей, играющих у околицы. Обычная жизнь. Простая жизнь. Та, о которой Кассандра когда-то могла только мечтать, сидя в своей золотой клетке — герцогском поместье Торонт. Она думала о том, как жила раньше, и это казалось ей сном — плохим сном, от которого она наконец проснулась. Каждое утро начиналось с того, что её будила служанка, которая помогала ей одеться в сложное платье с корсетом, который сжимал рёбра так сильно, что она едва могла дышать. Затем следовал завтрак в строгом соответствии с этикетом, где каждый взгляд, каждое слово были выверены. После — бесконечные уроки этикета, танцев, истории, политики. Вечером — балы или приёмы, где она должна была улыбаться незнакомым людям, говорить правильные вещи и никогда, никогда не показывать своих истинных чувств.

Теперь всё было по-другому. Каждое утро она просыпалась от того, что первые лучи солнца касались её лица, и могла лежать в постели столько, сколько хотела. Она могла завтракать простым хлебом с мёдом и молоком, не боясь нарушить правила. Она могла ходить босиком по траве, не беспокоясь о том, что кто-то осудит её. Она могла быть собой. И это было самым ценным, что она когда-либо имела.

— Элисия! — донёсся до неё звонкий детский голос, вырывая её из размышлений.

Кассандра — нет, теперь она была Элисией — открыла глаза и обернулась. К берегу реки бежала маленькая девочка с рыжими волосами, собранными в два торчащих хвостика. Это была Мира, дочь местной травницы, госпожи Ирмы. Ей было лет семь или восемь, и она была одним из самых ярких созданий, которых Кассандра когда-либо встречала. Мира была любопытной, непосредственной и бесконечно доброй — качества, которые были так редки в мире, откуда Кассандра пришла. Она всегда улыбалась, всегда была полна энергии, всегда готова была задавать вопросы и узнавать новое. Её глаза сияли жизнью, и Кассандра часто завидовала этой способности видеть мир таким ярким и прекрасным.

— Элисия, ты опять танцуешь одна? — Мира остановилась в нескольких шагах от воды, запыхавшаяся, с горящими глазами. Её хвостики растрепались от бега, а на платье были зелёные пятна от травы. — Можно я с тобой? Я тоже хочу танцевать! Я смотрела на тебя из окна и думала, что ты выглядишь как фея.

Кассандра улыбнулась — легко и свободно, той улыбкой, которую она никогда не позволяла себе в замке. Там улыбки были отточенными, вежливыми, сдержанными, — те, что показывают ровно столько, сколько требуется по этикету. Здесь она могла улыбаться так, как чувствовала, не думая о том, кто и как это воспримет.

— Конечно, Мира. Иди сюда. Я научу тебя танцевать так, как танцует ветер.

Девочка скинула свои потрёпанные башмачки и с визгом вбежала в воду. Холод заставил её подпрыгнуть, но она тут же рассмеялась и закружилась, пытаясь повторить движения, которые только что видела. Она была неуклюжей, но в её неуклюжести было столько искреннего счастья, что Кассандра почувствовала, как её собственное сердце наполняется теплом. Мира не боялась быть смешной, не боялась упасть, не боялась сделать ошибку. Она просто танцевала, потому что это приносило ей радость. И Кассандра завидовала этой способности — способности быть свободной от страха быть осуждённой.

— Ты так красиво танцевала, — сказала Мира, выдыхая воздух. — Как принцесса. Или как фея из сказок, которые мама рассказывает. Ты знаешь сказку о девушке-авантюристке,

которая была крестьянкой и стала рыцарем? Мама говорит, что эта сказка основана на реальных событиях, и что когда-то давно жила девушка, у которой был артефакт, и она стала самой могущественной воительницей в королевстве. Я хочу быть такой, как она, когда вырасту. Я хочу иметь артефакт и совершать подвиги.

Кассандра рассмеялась. Она знала эту легенду — все в Ронденмаре знали её. Это была история о девушке по имени Мираэль, которая родилась в бедной семье, но обладала артефактом — медальоном, который давал ей силу видеть будущее. С помощью этого артефакта и своего стратегического ума она стала верным и могучим рыцарем королевства. Это была история о том, что даже самый скромный человек мог подняться, если у него было мужество и сила духа. Кассандра часто думала об этой легенде и о том, как она сама оказалась в центре подобной истории — только её артефактом было карманное зеркало, а её силой — способность видеть правду сквозь иллюзии.

— Я не принцесса, Мира, — мягко сказала она, опускаясь на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с девочкой. — Я просто... я просто люблю танцевать. Это помогает мне думать. Это помогает мне чувствовать себя живой.

— О чём? — Мира наклонила голову, в её глазах загорелось любопытство, свойственное только детям. Они видели мир в его истинной сути, без масок и условностей. — Ты грустная? Ты иногда такая грустная, Элисия. Я вижу. Даже когда ты улыбаешься. Моя мама говорит, что глаза — это зеркало души, и когда я смотрю на твои глаза, я вижу в них что-то... что-то, чего я не могу объяснить. Что-то глубокое, как река.

Кассандра замерла. Эта маленькая девочка с рыжими хвостиками видела больше, чем все придворные лорды и леди, с которыми она общалась годами. Они видели маску, а Мира видела душу. Это и пугало, и одновременно согревало где-то глубоко внутри. Кассандра поняла, что даже здесь, в этой деревушке, где она пыталась спрятаться, её истинная сущность проступала сквозь маску Элисии, как свет сквозь трещину в стене.

— Немного грустная, — призналась она тихо, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. — Но я стараюсь не грустить. Здесь так красиво, как можно грустить в таком месте? Посмотри на небо, на воду, на эти поля. Как можно грустить, когда мир так прекрасен?

Она обвела рукой горизонт: бескрайние поля пшеницы, старый дуб, возвышающийся над всем, словно страж этого мира, и её маленький домик у самого леса — её домик. Домик, в котором она жила уже три недели и который всё ещё казался ей чудом. Три недели — так мало и так много. Три недели свободы, которые изменили её больше, чем все двадцать два года, проведённые в замке. Она всё ещё не могла поверить, что это реальность, что она действительно может просыпаться каждое утро и не бояться того, что её ждёт впереди.

— А почему ты улыбаешься, когда танцуешь? — спросила Мира, прыгая по воде и разбрызгивая капли, которые сверкали в лучах заката, как бриллианты. — Ты будто разговариваешь с кем-то невидимым. Ты будто шепчешь секреты ветру. Ты будто прощаешься с кем-то.

Кассандра снова улыбнулась. Девочка была права. Когда она танцевала, она чувствовала, что говорит с собой — со своей настоящей собой. Той, которую похоронили под слоями этикета, обязательств и страха разочаровать семью. Танцы у воды, наедине с ветром и закатом, были её тайным диалогом с душой, с той свободной и бесстрашной Кассандрой, которая жила в ней в детстве, но была похоронена заживо под тяжестью ожиданий.

— Я танцую для себя, — сказала она. — И для ветра. И для этого дуба, который слушает меня так же внимательно, как ты сейчас. Он мой самый старый и мудрый друг, Мира. Он видел столько людей, столько историй, и он никогда никому не рассказывает их. Он хранит тайны лучше любого человека.

Мира захихикала, зажимая рот ладошкой, и её смех был похож на перезвон колокольчиков.

— Ты странная, Элисия. Но хорошая. Можно я буду приходить к тебе танцевать? Мы будем танцевать вместе? Мама говорит, что я неуклюжая, но с тобой у меня получается лучше. Ты не смеёшься надо мной, когда я падаю, ты просто говоришь «вставай и продолжай», и я встаю и продолжаю. Ты мне как старшая сестра, Элисия. У меня нет старшей сестры.

— Конечно, Мира. Приходи, когда захочешь. Ты всегда желанный гость в моём доме. И ты не неуклюжая, ты просто учишься.

Кассандра протянула руку и погладила девочку по голове. Теперь она понимала, почему простые люди так ценят свои семьи и общины. Здесь, в деревушке Крайние Холмы, никто не оценивал тебя по титулу или состоянию. Здесь судили по делам. Она помогала соседям с травами, потому что знала немного о лечебных свойствах растений — это было частью её образования, которое она получала в замке, где всё сводилось к тому, чтобы быть полезной для семьи. Она делала чернила для местного писаря и для лавочников, и за это её приняли. Просто приняли. Без условий, без ожиданий, без требований быть лучше, выше, совершеннее.

Когда Кассандра только оказалась здесь, три недели назад, она была в ужасном состоянии. Она бежала из замка Торонт, не оглядываясь, в теле своей младшей сестры, с одним лишь маленьким карманным зеркалом в кармане и с несколькими серебряными монетами, которые она нашла в кармане платья, надетого на неё — на Эстеллу. Она не знала, куда идти, у неё не было плана, не было цели. Только инстинкт — бежать, прятаться, выживать. Но ноги сами привели её сюда, в эту деревушку на окраине королевства, где никто не задавал вопросов и где она могла начать всё заново.

Она выбрала этот путь не потому, что была смелой. Она выбрала его потому, что у неё не было выбора. И потому, что глубоко внутри она понимала: судьба даёт ей шанс начать всё сначала. Шанс, которого она никогда бы не попросила, но который приняла с открытым сердцем, потому что даже в самые тёмные моменты она знала, что должна двигаться вперёд, должна жить. Она должна была доказать самой себе, что может существовать вне стен замка, вне титулов и обязанностей.

Кассандра вздохнула и опустила взгляд на воду. Её отражение искажалось рябью, которую создавали ноги Мира, но она знала, что видит там не своё лицо. Она видела лицо Эстеллы — овальное, с острым подбородком, тёмными глазами, которые всегда смотрели с вызовом, и губами, привыкшими к недовольной гримасе. Сама Кассандра была светлее: мягкие черты, большие серые глаза, которые часто казались задумчивыми, и спокойная, почти меланхолическая улыбка. Теперь её лицо было чужим. И ей предстояло привыкнуть к этому. Она должна была научиться смотреть в зеркало и видеть не сестру, а себя.

«Но я привыкну, — сказала она себе, поднимая голову и глядя на закат, который окрашивал небо в новые оттенки. — Я привыкну, потому что у меня нет выбора. И потому что я, наконец, свободна».

В тот день, когда ритуал Эстеллы сработал, Кассандра проснулась в теле сестры и почувствовала не панику, а странное облегчение. Это было похоже на то, как если бы с её плеч сняли тяжёлый груз, который она носила всю жизнь. Она долго стояла перед зеркалом в комнате Эстеллы, вглядываясь в это новое лицо, и вдруг поняла: она может исчезнуть. Она может стать никем. И это «никто» было самым заманчивым, что она когда-либо представляла.

Она оделась в простую одежду, нашла немного денег и выскользнула из замка через кухонный выход, которым пользовалась только прислуга. Она знала о нём потому, что всегда была наблюдательной и помнила каждую деталь своего дома. Никто не остановил её. Эстелла в её теле уже начала разыгрывать спектакль, и все были заняты новой «Кассандрой», которая вдруг стала такой резкой и властной. Никто не заметил, как тихая и незаметная Эстелла покинула замок. Это была идеальная возможность, и Кассандра воспользовалась ею, не оглядываясь назад.

Кассандра почти засмеялась, вспомнив это. Её сестра всегда мечтала быть ею — старшей, более удачливой, более приближенной к трону. Эстелла завидовала её положению, её предполагаемой красоте и вниманию, которое она получала от родителей и от Ксавьера, наследного принца. Но Кассандра никогда не хотела всего этого. Она хотела сидеть в библиотеке с книгой, гулять по саду без сопровождения фрейлин, просто дышать свободно. А вместо этого она была герцогиней-невестой, пешкой в политической игре, игрушкой, которую можно было использовать для укрепления союзов.

Теперь всё закончилось. Она была Элисией. Простой, почти нищей девушкой, которая живёт в маленьком домике у реки и делает чернила. Она могла быть кем угодно, и никто не требовал от неё быть идеальной. Никто не говорил ей, как одеваться, что говорить, как улыбаться. Никто не оценивал каждый её шаг и не обсуждал за спиной. Она была свободна. И это было лучше любого титула.

— Элисия, а почему ты не замужем? — вдруг спросила Мира, вырывая её из мыслей. — Ты красивая и добрая. Если бы я была мужчиной, я бы на тебе женилась. Ты бы научила меня танцевать, и мы бы каждый вечер танцевали у реки, а потом пили чай с мёдом и смотрели на звёзды.

Кассандра фыркнула, едва сдерживая смех. Слова Мира были такими непосредственными и искренними, что они согревали её душу, как тёплое одеяло в холодную ночь.

— Потому что я хочу быть свободной, Мира. Замужество — это... это сложно. Иногда это клетка, даже если клетка золотая. Иногда это означает, что ты должна быть не той, кем хочешь быть, а той, кем тебя хотят видеть другие. Я не хочу быть чужой мечтой. Я хочу быть собой.

— А что такое золотая клетка? — нахмурилась девочка, её брови сошлись на переносице, и она выглядела такой серьёзной, что Кассандра с трудом сдерживала улыбку. — Клетка — это для птиц. А люди не могут жить в клетках.

— Это когда у тебя есть всё, что можно купить за деньги, но нет того, что нельзя купить, — объяснила Кассандра, глядя на закат. — Когда ты должна делать то, что от тебя ждут, а не то, что хочешь сама. Когда ты окружена людьми, но чувствуешь себя одинокой. Когда ты носишь красивое платье, но не можешь дышать в нём.

Мира помолчала, переваривая слова, а потом сказала с детской прямоотой, которая свойственна только детям, — они видят суть вещей, не обременённые сложностями взрослой жизни:

— Тогда не выходи замуж за того, кто посадит тебя в клетку. Выйди за того, кто будет танцевать с тобой у реки. Выйди за того, кто будет смеяться с тобой и не будет говорить тебе, что ты должна быть другой. Мама говорит, что настоящая любовь — это когда ты можешь быть собой, и тебя всё равно любят. Мой папа умер, когда я была маленькой, но мама говорит, что он любил её такой, какая она есть, даже когда она злилась или плакала. Я хочу такую любовь.

Кассандра замолчала. Простые слова ребёнка ударили её в самое сердце, проникнув сквозь все барьеры, которые она выстроила вокруг себя. За того, кто будет танцевать с ней у реки. Кто будет видеть в ней не пешку и не политический актив, а женщину. Женщину с её мечтами, страхами, с её потребностью в тишине и свободе. Она думала о Ксавьере — о том, что когда-то, десять лет назад, он был именно таким. Он увидел в ней не просто герцогиню, а девочку, которая боялась танцевать, и протянул ей руку. Но тогда она была слишком молодой, слишком напуганной, чтобы понять, что он мог быть тем, кого она искала.

Она хотела сказать что-то в ответ, но в этот момент ветер изменил направление, и она услышала звук копыт. Кто-то ехал по дороге, что вела к реке. Этот звук был редким в деревне — здесь почти все ходили пешком, и только торговцы иногда проезжали на телегах. Конь — это было нечто особенное. Значит, кто-то важный. Кто-то, кто мог нарушить её покой.

Кассандра настороженно подняла голову. Её первым инстинктом было спрятаться. За три недели в деревне она научилась быть незаметной, избегать лишних взглядов. Только сейчас,

когда она разговаривала с Мирой, она на мгновение забыла об осторожности. И теперь это могло стоить ей всего, что она построила.

Она повернула голову в сторону дороги и увидела всадника. Он был далеко, но даже на таком расстоянии она могла разглядеть, что это не простой путник. Конь был чёрным, крупным, явно боевой породы, с серебряной сбруей, украшенной гербом — изображением льва, стоящего на задних лапах, с короной на голове. Это был герб королевской семьи Бауэн. Всадник сидел прямо, уверенно, как человек, привыкший повелевать. Плащ на нём был тёмно-синим, почти чёрным, и развивался на ветру. Даже не видя лица, Кассандра почувствовала — этот человек опасен. Или, по крайней мере, он здесь не просто так.

— Мира, беги домой, — тихо сказала она, не сводя глаз с всадника. Её голос был спокойным, но в нём звучала сталь, которая появлялась у неё только в моменты реальной опасности. — Беги и скажи маме, что к нам кто-то приехал. Быстро. И не говори никому, что ты видела меня здесь. Никому. Поняла?

— Но ты... — начала Мира, и в её глазах появился страх, который она не могла скрыть. Она видела, как изменилось лицо Элисии, как оно стало серьёзным и напряжённым.

— Беги, Мира. Сейчас. Я справлюсь. Всё будет хорошо.

Девочка, почувствовав тревогу в голосе, послушно выбежала из воды, натянула свои потрёпанные башмачки и побежала к деревне, оглядываясь через плечо, пока не скрылась за поворотом дороги. Кассандра осталась стоять у воды, глядя на приближающегося незнакомца. Её сердце билось быстрее — она не знала почему, но внутри неё зашевелился древний инстинкт опасности, который, как она думала, она давно похоронила под слоями учтивости и сдержанности.

Всадник подъехал ближе, и Кассандра увидела его лицо. Это был молодой мужчина, лет двадцати семи или двадцати восьми. Его волосы были тёмными, как вороново крыло, и расчёсанными, будто он давно не видел цирюльника. Глаза — серые, с металлическим отливом, усталые и одновременно внимательные. На его скулах темнела щетина, а на левой брови был виден тонкий шрам — старый, но всё ещё

заметный, который рассекал бровь почти до самого века, придавая его лицу суровое, почти хищное выражение. Он был широкоплеч, но казался худым, будто потерял много веса за последнее время, и его одежда висела на нём свободнее, чем должна была. И в его взгляде читалась глубокая, почти болезненная усталость — та особая пустота, которая появляется у людей, прошедших через войну и видевших слишком много смерти.

Он остановил коня в нескольких шагах от Кассандры и посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах мелькнуло узнавание, но не того рода, которого она опасалась. Он не узнал в ней Кассандру Торонт. Он просто смотрел на неё, как на незнакомку. Красивую незнакомку, стоящую в реке на закате с подолом платья, мокрым от воды, и с распущенными волосами, которые ветер развеивал вокруг её лица, словно тёмный ореол. Солнечные лучи играли в её волосах, придавая им золотистый оттенок, и она выглядела почти нереально в этом вечернем свете.

Она стояла неподвижно, чувствуя, как вода оmyвает её ноги, и пыталась унять дрожь, которая пробегала по её телу. Она не знала, что делать. Бежать было поздно — он уже видел её. Прятаться — бессмысленно. Она должна была просто стоять и ждать, что будет дальше. Она должна была играть свою роль — роль простой деревенской девушки, которая никогда не видела наследного принца и не знала его имени.

— Прошу прощения, что потревожил, — сказал он, и его голос был низким, чуть хриплым, как у человека, который долго не говорил или много кричал на поле боя. — Я не ожидал встретить кого-то здесь. Я думал, что эти места пустынные. Я искал тишину и уединение.

Кассандра сглотнула. Она боялась, что её голос выдаст дрожь, но она заставила себя говорить ровно и спокойно, как учили её годами в замке, где каждая фраза должна была быть выверенной и безупречной.

— Это частные земли, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Но я не владелец. Я просто... я живу здесь. Вон в том домике, у леса. Я — Элисия. Я делаю чернила для местных писарей и торговцев.

Он коротко кивнул, слезая с коня. Его движения были плавными, но в них чувствовалась усталость, как будто каждое движение требовало от него огромных усилий. Он привязал коня к низкой ветке старого дуба и подошёл ближе к воде. Кассандра напряглась, но он не сделал ни одного угрожающего движения. Он просто остановился у самой кромки воды и посмотрел на закат, и в его позе было столько усталости, что она почти почувствовала её как свою собственную. Какое-то время они оба молчали. Ветер шелестел листвой, и река тихо журчала, словно они были единственными живыми существами в этом мире. Тишина между ними была плотной, но не неловкой — она была похожа на одеяло, под которым они оба могли спрятаться от мира.

— Красиво здесь, — сказал он наконец, не оборачиваясь к ней. — Я не был в этой части королевства много лет. Забыл, как выглядят поля на закате. Забыл, как пахнет трава и как звучит вода. Забыл, что мир может быть таким спокойным.

— Война? — спросила Кассандра, хотя вопрос прозвучал скорее утвердительно. Она видела эту усталость раньше — в глазах солдат, которые возвращались с поля боя. У неё был дядя, который воевал, и когда он возвращался, в его глазах была точно такая же пустота, такое же отсутствие жизни.

Он бросил на неё быстрый, удивлённый взгляд, как будто не ожидал, что простая деревенская девушка сможет так точно определить его состояние. В его глазах мелькнула искра интереса, которую она не могла не заметить.

— Да. Я возвращаюсь с севера. Домой. — Он сделал паузу и добавил с горькой усмешкой: — Насколько можно назвать домом место, где тебя ждут только обязанности и долг. Где никто не спросит тебя, как ты себя чувствуешь, а только — что ты сделал для королевства.

«Домой», — повторила она про себя. Это слово отозвалось в ней болью. У неё больше не было дома. Была деревушка, был её домик, был старый дуб, который стал ей другом, и река, которая слушала её танцы. Но был ли это дом? Место, где она могла бы укрыться от всего мира? Теперь — да. Возможно, теперь. Она построила его заново из руин своей прошлой жизни, из обломков своей судьбы, из пепла своих надежд.

— Вы... воевали? — спросила она, понимая, что разговор продолжается, хотя она не хотела говорить с незнакомцем. Но в нём было что-то, что заставляло её забыть об осторожности. Что-то в его глазах — та же тоска, что она чувствовала внутри себя, то же одиночество, которое она пыталась заполнить танцами у реки.

— Нет, — ответил он с горечью, и его голос был полон самоосуждения. — Я воевал, но это едва ли можно назвать войной. Это была бойня. Я потерял много людей. Слишком много. Друзей, которых я знал с детства. Солдат, которые доверяли мне. И я... — он замолчал, и Кассандра поняла: он не привык говорить о своих чувствах с незнакомцами. Он сам удивился тому, что только что сказал, и это удивление было написано на его лице.

Он покачал головой, и внезапно его настроение изменилось. Он отряхнул плащ и сказал с вымученной улыбкой, которая не достигала его глаз, оставаясь лишь натянутой маской:

— Простите. Я приехал сюда, чтобы найти тишину, но навязываю вам свои истории. Мне не следовало останавливаться. Я должен был просто проехать мимо и не беспокоить вас.

— Вы не навязываете, — мягко сказала Кассандра, и её голос был таким тёплым, что она сама удивилась. — Иногда полезно говорить с незнакомцами. Они не осуждают. Они не знают

тебя, твоего прошлого, твоих ошибок. Они могут просто слушать. И они не ждут от тебя того, чего ты не можешь дать.

Она сказала это и сама удивилась своей смелости. Несколько месяцев назад она бы никогда не осмелилась сказать такое. Она бы отвела взгляд, поклонилась и ушла, оставляя незнакомца в одиночестве. Теперь она смотрела на этого незнакомца, и ей казалось, что она может быть с ним той, кем хочет быть. Потому что он её не знает. Она для него просто девушка, танцующая у реки. Простая девушка, которая не носит масок и не боится говорить правду.

— Я — Ксавьер, — сказал он, и Кассандра вдруг почувствовала, как холод пробегает по её спине, словно ледяная рука сжала её сердце. Мир вокруг неё на мгновение остановился, и она услышала только биение собственного сердца — громкое, пугающее, заглушающее все остальные звуки.

Ксавьер. Это имя она знала слишком хорошо. Ксавьер Бауэн. Наследный принц. Будущий король. Человек, с которым она танцевала на балу десять лет назад. Человек, которого она должна была выйти замуж, если бы жизнь пошла по другому пути. Человек, который сейчас стоял перед ней и не узнавал её. Судьба играла с ней в жестокую игру, сводя её с тем, от кого она бежала, в тот самый момент, когда она думала, что навсегда оставила прошлое позади.

Она сделала шаг назад, и вода плеснула у её ног, разбивая отражение на тысячи сверкающих осколков. Её сердце колотилось где-то в горле, и она чувствовала, как кровь отхлынула от лица, оставляя его холодным и бледным.

— Вы? — выдохнула она, забыв о всякой осторожности. Её голос дрогнул, и она не могла скрыть этого. — Вы — принц Ксавьер? Наследник престола? — её слова звучали как обвинение, и она не могла остановить их.

Он нахмурился, его взгляд стал настороженным, а рука инстинктивно легла на эфес меча, висящего на поясе. В его позе появилась напряжённость, которая была свойственна человеку, привыкшему к опасности и всегда готовому к ней.

— Да. Но, пожалуйста, не делайте из этого события, — сказал он, и в его голосе послышалась усталая мольба. — Я здесь не для того, чтобы... я здесь, чтобы отдохнуть. Я не хочу быть принцем сегодня. Я хочу быть просто человеком, который смотрит на закат и думает о том, как ему жить дальше. Я хочу забыть, кто я.

Кассандра молчала. Её мысли бешено крутились в голове, пытаясь найти выход из этой ситуации. Она знала, что должна сохранять спокойствие. Она должна была вести себя как обычная деревенская девушка, которая никогда не видела наследного принца и не знала о его существовании. Но это было почти невозможно. Каждая клетка её тела кричала о том, что он рядом, что он здесь, и что её прошлое настигло её в самый неожиданный момент. Она хотела бежать, но ноги не слушались её, приросшие к мокрой траве и гальке.

Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как прохладный воздух наполняет её лёгкие, и заставила себя успокоиться. Она была Элисией. Простой, ничем не примечательной девушкой, которая делает чернила и танцует у реки. Она не была Кассандрой Торонт, герцогиней и невестой принца. Она была никем. И это «никто» было её единственной защитой, её щитом от мира, который она оставила позади.

— Я... — она запнулась, подбирая слова, и это промедление было для неё мучительным. — Меня зовут Элисия. Я живу вон в том доме, — она махнула рукой в сторону деревушки, где виднелись крыши нескольких домов и дымок, поднимающийся из труб. — Я делаю чернила. Ничего интересного. Обычная жизнь, обычная работа.

— Чернила? — он слегка улыбнулся, и в его улыбке мелькнуло что-то тёплое, что она не видела на его лице с самого начала разговора. — Необычное ремесло для молодой леди. Обычно девушки в вашем возрасте шьют, вышивают или занимаются домашним хозяйством. Чернила — это... неожиданно. Вы должны быть очень терпеливым человеком.

— Я не леди, — сказала она, вкладывая в эти слова всю горечь, которую чувствовала, и её голос прозвучал резче, чем она хотела. — Я просто человек, который любит тишину. И который предпочитает создавать что-то полезное, а не тратить время на пустые разговоры и сплетни. Я не леди. Я никогда не была леди. Не по-настоящему.

Она не ожидала, что скажет это. Но слова вырвались сами собой, как будто её истинное «я» прорвалось сквозь маску Элисии, как будто её душа жаждала, чтобы кто-то увидел её настоящую. Она видела, как его глаза расширились от лёгкого удивления, и на мгновение ей показалось, что он увидел в ней что-то большее, чем просто деревенскую девушку.

Ксавьер посмотрел на неё с новым интересом. Этот ответ задел его — она поняла это по тому, как задержался его взгляд, как он изучал её лицо, будто пытаясь прочесть между строк. В их мире, где все пытались быть кем-то важным, она сказала, что она — просто человек. И это заставило его на мгновение забыть о своей усталости.

— Можно мне посидеть здесь немного? — спросил он, кивая в сторону старого дуба, который возвышался над ними, как древний страж. — Я не буду мешать. Я просто хочу побыть в тишине. Я чувствую, что если я не остановлюсь, я просто... развалюсь на части. Это глупо звучит, но это правда. Я так устал, что каждое движение даётся мне с трудом.

Кассандра колебалась. Её разум кричал ей бежать, скрыться в доме и никогда не показываться ему на глаза. Но другая часть её, та, что голодала по настоящему общению, которая мечтала о человеке, который увидит в ней не маску, не титул и не выгоду, — эта часть шептала: «Останься. Поговори с ним. Ты ведь хочешь, чтобы кто-то увидел тебя настоящую. Ты ведь устала быть одна. Ты устала прятаться».

— Как пожелаете, — сказала она наконец, и её голос звучал тихо, почти неслышно. — Я не властна над деревом. Оно здесь было задолго до меня. И будет здесь, когда меня не станет. Оно видело столько людей, столько принцев и королей, что вы — лишь ещё один путник на его пути.

Ксавьер опустился под дуб, прислонившись спиной к его могучему стволу, который покрывали слои мха и древних узоров, вырезанных временем. Он закрыл глаза на мгновение, и Кассандра увидела, как его лицо расслабилось, как ушло напряжение, которое он, казалось, носил годами. Она вышла из воды, стряхнула капли и села на траву на некотором расстоянии от него. Она чувствовала его взгляд на себе, но не оборачивалась. Тишина между ними была плотной, но не неловкой — она была похожа на одеяло, под которым они оба могли спрятаться от мира, забыв о своих титулах и обязанностях.

— Вы танцевали, когда я подъехал, — сказал он тихо, и его голос был мягче, чем раньше. — У вас это хорошо получается. У вас... — он замолчал, подбирая слова, и Кассандра слышала, как он делает вдох, прежде чем продолжить. — У вас в движениях есть что-то, чего я никогда раньше не видел. Свобода, что ли. Вы не стесняетесь. Вы не боитесь показаться нелепой или смешной. Вы просто танцуете, как будто никто не смотрит. Как будто мир принадлежит только вам.

— Если никто не смотрит, — ответила она, и в её голосе была лёгкая улыбка, — нечего стесняться. Но сейчас вы смотрите, и я уже не могу танцевать. Так что это был ваш выбор, а не мой. Вы нарушили моё уединение, и теперь магия рассеялась.

Он рассмеялся — тихо, почти беззвучно, но в этом смехе было что-то искреннее, что-то, что прорвалось сквозь его усталость и горечь. Кассандра почувствовала, что её собственные губы дрогнули в улыбке. Она улыбалась принцу Ксавьеру, наследнику трона, человеку, который мог бы быть её мужем. И улыбалась искренне, не думая о том, что это может значить.

— Вы говорите прямо, — сказал он. — Это редкость. При дворе все говорят загадками и полунамёками. Никто никогда не говорит того, что думает на самом деле. Я устал от этого. Я устал от масок и лицемерия. Я устал от людей, которые улыбаются мне в лицо и плетут интриги за спиной.

— Потому что правду говорят только те, кому нечего терять, — ответила она, и эти слова были такими честными, что она почувствовала, как по её коже пробежали мурашки. — Когда у тебя есть всё, ты боишься потерять. А когда у тебя ничего нет, ты можешь позволить себе быть собой. Я ничего не имею, поэтому мне нечего скрывать.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и честные. Она не знала, почему сказала их. Может быть, потому, что хотела, чтобы он понял: она здесь не для того, чтобы польстить ему или завоевать его расположение. Она была здесь, потому что у неё не было другого места. И потому что она устала врать.

— А вы много потеряли? — спросил он тихо, и в его голосе не было любопытства — только сочувствие. Он знал, что такое терять. Он только что вернулся с войны, где потерял друзей, надежды, веру в людей. Он был так же разбит, как и она. Два человека, которые искали спасения в тишине и нашли друг друга в этом месте.

Кассандра повернулась к нему. В его глазах она увидела не любопытство, а сочувствие. Он знал, что такое терять. Он только что вернулся с войны, где потерял друзей, надежды, веру в людей. Он был так же разбит, как и она. Два человека, которые искали спасения в тишине и нашли друг друга в этом месте. Два человека, которые потеряли себя и пытались найти заново.

— Я потеряла себя, — сказала она честно, и слёзы снова подступили к её глазам. — Но я пытаюсь найти себя снова. Вот почему я здесь. Вот почему я танцую у реки. Потому что когда я танцую, я чувствую, что я существую. Что я живу. Что я не просто тень, которая скользит по коридорам чужой жизни. Что я могу быть кем-то, даже если никто не знает моего имени.

Ксавьер молчал. Он смотрел на неё, и в его взгляде больше не было настороженности. Только понимание. Только та глубокая связь, которая возникает между двумя людьми, когда они понимают, что они не одиноки в своей боли.

— Я тоже потерял себя, — сказал он наконец, и его голос дрогнул. — Может быть, поэтому я остановился здесь. Может быть, я искал не просто тишину, а... человека, который поймёт. Который не будет смотреть на меня как на принца и не будет требовать от меня быть кем-то, кем я не хочу быть. Человека, который увидит во мне просто Ксавьера.

Они смотрели друг на друга, и Кассандра поняла, что в этот момент началось что-то, что она не могла контролировать. Что-то, что могло разрушить всё, что она построила, или, наоборот, спасти её. Между ними протянулась невидимая нить, которая связала их души. И она знала, что эту нить нельзя разорвать.

Ветер снова подул, качая верхушки травы, и где-то вдалеке запела ночная птица. Начался вечер, и вместе с ним начиналась новая глава её жизни. Она не знала, что принесёт этот вечер, но она знала, что этот момент останется с ней навсегда.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, Ксавьер встал и отряхнул свой плащ. Он подошёл к ней и протянул руку. Его ладонь была открытой и тёплой, и она чувствовала, что он не осуждает её.

— Я должен идти, — сказал он. — Но я хочу спросить вас кое-что. Можно я приду сюда снова? Завтра? Или послезавтра? Я хочу... я хочу увидеть, как вы танцуете. Я хочу услышать, как вы говорите правду. Я хочу просто быть рядом. Вы не представляете, как много для меня значит то, что я сегодня встретил человека, который не хочет от меня ничего, кроме честного разговора.

Кассандра смотрела на него, и в её глазах было всё: страх, надежда, сомнение, радость. Она знала, что должна сказать «нет». Она должна была защитить себя. Но она также знала, что не сможет сказать ему «нет». Потому что в его глазах она видела ту же тоску, которую чувствовала в своей душе.

— Приходите, — сказала она тихо. — Я буду здесь. Я всегда здесь, на закате. Я буду танцевать для ветра, и если вы захотите посмотреть, вы можете смотреть.

Ксавьер улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что она почувствовала, как её сердце тает.

— Я приду, — сказал он. — Я обещаю. Это обещание, которое я собираюсь сдержать, чего бы мне это ни стоило.

Он сел на коня и уехал, а Кассандра долго стояла у реки, глядя ему вслед. Она знала, что сделала глупость, позволив ему приблизиться. Но внутри неё впервые за долгое время затеплилась надежда. Надежда на то, что её жизнь, какой бы сложной она ни была, ещё не окончена. Что она ещё может быть счастлива. Что она, возможно, не так одинока, как думала.

Но эта надежда была омрачена страхом. Потому что у её дверей стоял принц. Потому что её сестра носила её лицо и, наверное, уже плела интриги. Потому что карманное зеркало, которое всегда было при ней, вдруг слегка нагрелось, будто предупреждая об опасности.

Кассандра взяла зеркальце в руки и заглянула в его гладкую поверхность. В отражении она увидела лицо Эстеллы. Но за ним, в глубине, мелькнуло что-то ещё — тень, которую она не могла распознать. Что-то, что приближалось. Что-то, что могло изменить всё.

Она спрятала зеркало и пошла домой. Впереди была ночь, и за ней начиналась новая жизнь. Она только надеялась, что эта жизнь принесёт ей не только боль, но и радость. И что когда-нибудь она сможет танцевать у реки, не боясь, что кто-то нарушит её покой.

ГЛАВА 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИНЦА

Иногда самые длинные дороги ведут не домой, а к себе самому — и это самое трудное путешествие, которое только может совершить человек.

Дорога на юг была пыльной и утомительной. Ксавьер Бауэн сидел в седле, чувствуя, как каждый мускул его тела болит от долгого пути, как кости ноют от усталости, а глаза слезятся от пыли, поднимаемой копытами его коня. Он ехал уже восемь дней, сменяя лошадей на почтовых станциях, почти не останавливаясь на ночлег, потому что знал: если он остановится, если позволит себе хотя бы на мгновение расслабиться, он может просто не найти сил, чтобы продолжить путь. Он должен был добраться до столицы, должен был встретиться с отцом, должен был отчитаться о войне, которую он вёл на севере. Но каждая миля, приближающая его к дому, казалась ему шагом в пропасть.

Он был измучен. Не просто физически — эта усталость была глубокой, пронизывающей, она сидела в его костях, в его крови, в самой его душе. Три года войны. Три года, проведённых в лагерях, в битвах, в бесконечных маршах по грязи и снегу. Три года, в течение которых он видел, как умирают его друзья, его солдаты, люди, которые доверяли ему и следовали за ним в бой. Три года, за которые он превратился из идеалистичного молодого принца, который верил в справедливость и благородство, в уставшего, циничного мужчину, который знал цену каждой жизни и понимал, что война никогда не бывает справедливой.

Он сжал поводья и посмотрел на дорогу впереди. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в тёплые оттенки оранжевого и розового. Он был уже в двух днях пути от столицы, и скоро ему придётся вернуться к своей жизни — к обязанностям, к придворным интригам, к отцу, который ждал от него отчёта и новых планов. К отцу, который никогда не говорил ему, что гордится им, но всегда требовал большего.

Он думал о том, что ждёт его в столице. Тронный зал, где он должен будет стоять перед королём и рассказывать о битвах, о потерях, о победах, которые стоили слишком дорого. Балы, на которых он будет улыбаться придворным дамам и обсуждать политику с лордами, которые никогда не держали в руках меча, но считали себя экспертами в военном деле. Бесконечные встречи и советы, где каждый будет пытаться использовать его для своих целей.

Он устал от всего этого. Он устал быть наследным принцем, символом, который должен был воплощать в себе все надежды королевства. Он хотел просто быть человеком. Хотя бы на один день. Хотя бы на один час.

Конь под ним фыркнул и замедлил шаг, почувствовав настроение всадника. Ксавьер похлопал его по шее — это был старый боевой жеребец по кличке Гром, который прошёл с ним через все сражения. Гром был единственным существом, которому Ксавьер доверял полностью, единственным, кто не требовал от него быть кем-то другим.

— Хочешь отдохнуть, старый друг? — спросил он, и конь как будто понял его, повернув голову и взглянув на него большими умными глазами. — Я тоже хочу. Я так устал, Гром. Я не знаю, как я буду жить дальше.

Он слез с коня и повёл его под уздцы, сворачивая с главной дороги на узкую тропинку, которая вела в сторону от тракта. Он не знал, куда она ведёт, но ему казалось, что любой путь, даже неизвестный, лучше, чем тот, который ждал его впереди.

Тропинка шла через поля, и Ксавьер вдруг понял, что он здесь никогда не был. Это была глубокая провинция, далёкая от столичной суеты, с бескрайними полями пшеницы, которые золотились в лучах заходящего солнца. Воздух был чистым, наполненным запахами травы и

цветов, и он вдыхал его с жадностью человека, который слишком долго дышал только пылью и порохом.

Он шёл по тропинке, и его мысли начали понемногу успокаиваться. Здесь, в этом безмолвии, ему казалось, что он может дышать свободно, что груз, который он нёс на своих плечах, становится немного легче. Он не думал о войне, о смерти, о политике. Он просто шёл, чувствуя, как ветер касается его лица.

И вдруг он увидел её.

Она была далеко, у самого берега реки, которая извивалась серебряной лентой среди полей. Она танцевала. Её движения были плавными, почти невесомыми, как будто она была частью самого ветра. Её руки поднимались и опускались, её тело кружилось, и она казалась такой свободной, такой беззаботной, что Ксавьер замер на месте, не в силах оторвать от неё взгляда.

Она была одета в простое льняное платье, которое развевалось на ветру, а её волосы, тёмные и длинные, разметались по плечам. Она танцевала босиком, и её ноги касались травы с такой лёгкостью, как будто она ступала по облакам. Она была похожа на видение, на плод его усталого воображения, на что-то такое прекрасное, что не могло быть реальным.

Ксавьер остановился и прислонился к старому дубу, который рос на краю поля. Он не хотел нарушать это мгновение, не хотел спугнуть эту девушку, которая казалась такой счастливой и такой далёкой от всех его проблем. Он просто смотрел на неё, и в его душе, уставшей и ожесточённой войной, начало рождаться что-то тёплое. Что-то, что он давно считал потерянным навсегда.

Она не видела его. Она была слишком погружена в свой танец, в свои мысли, в своё одиночество. Она танцевала для себя, для ветра, для этого заката, и в её движениях была такая чистота, такая искренность, что у Ксавьера перехватило дыхание. Он видел, как она закрывает глаза, как её лицо озаряется лёгкой улыбкой, как она полностью растворяется в этом мгновении. Она была свободна. По-настоящему свободна. И эта свобода, которую он так отчаянно искал, была прямо перед ним.

Он хотел подойти к ней. Он хотел услышать её голос, узнать её имя, понять, как можно быть такой счастливой в мире, который, казалось, был создан только для страданий. Но он не решался. Он боялся разрушить эту магию, этот хрупкий момент, который мог исчезнуть, как только он сделает шаг вперёд. Он боялся, что когда он подойдёт ближе, он увидит в её глазах то же, что видел в глазах других людей — страх, почтительность, желание использовать его ради собственной выгоды.

Он просто стоял и смотрел на неё, и его сердце, которое так долго было пустым, начало наполняться чем-то новым.

Ксавьер смотрел на танцующую девушку, и в его памяти вдруг всплыло воспоминание, которое он считал давно забытым. Бал в замке Торонт десять лет назад. Он был тогда совсем юным, всего шестнадцать лет, и ненавидел эти светские мероприятия так же сильно, как и сейчас. Но отец заставил его присутствовать, потому что это был важный дипломатический приём, на котором присутствовали все герцогские семьи королевства.

Он стоял у колонны, скучая и мечтая о том, чтобы всё это поскорее закончилось, когда его взгляд упал на девочку, которая пряталась в углу зала. Она была маленькой, худенькой, с большими серыми глазами и тёмными волосами, заплетёнными в косу. Она стояла, прижавшись к стене, и смотрела на танцующих с таким выражением, которое он не мог понять — смесь страха, желания и грусти.

Он подошёл к ней, сам не зная зачем. Может быть, потому, что она выглядела такой же потерянной, как и он сам.

— Ты не танцуешь? — спросил он.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула паника.

— Я не умею, — сказала она, и её голос был тихим, почти шепотом.

— Тогда я научу тебя, — сказал он и протянул ей руку.

Она колебалась, и он видел, как она борется сама с собой. Но потом она взяла его за руку, и он почувствовал, как её ладонь дрожит в его руке.

Они танцевали вместе, и он чувствовал, как она постепенно расслабляется, как её движения становятся более уверенными. Она была неуклюжей, но в ней было что-то такое, что делало её красивой. Когда танец закончился, она подняла на него глаза и улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она. — Ты очень добрый.

— Ты красивая, когда не боишься, — сказал он тогда, и она покраснела.

Ксавьер вспомнил это, глядя на танцующую девушку. Она была похожа на ту маленькую девочку с бала — та же грация, та же застенчивость, та же способность видеть красоту в простых вещах. Но она не была той девочкой. Она была старше, взрослее, и в её движениях было что-то такое, чего он не видел у других женщин. Свобода. Смелость быть собой.

Он не узнал в ней Кассандру — та изменилась, стала проще, естественнее. Он не знал, что это была она, что судьба привела его именно к ней, в этот самый момент. Он просто стоял и смотрел, и его сердце, уставшее от войны и потерь, начинало биться быстрее.

Она остановилась на мгновение и посмотрела на реку. Ветер развеивал её волосы, и она закрыла глаза, как будто пыталась запомнить этот момент навсегда. Она была прекрасна, и Ксавьер чувствовал, что не может отвести от неё взгляд.

Он сделал шаг вперёд, но остановился. Он не хотел нарушать её покой. Он не хотел, чтобы она увидела в нём того, кем он был — наследным принцем, символом, человеком, который нёс на своих плечах бремя власти. Он хотел, чтобы она видела в нём просто мужчину. Но он не знал, как подойти к ней, как начать разговор, не разрушив эту магию.

Он решил просто подождать. Он сел под дубом и смотрел на неё, чувствуя, как его душа начинает исцеляться.

Кассандра не знала, что за ней наблюдают. Она стояла у воды и чувствовала, как ветер касается её лица, как прохладный воздух наполняет её лёгкие. Она была счастлива — настолько счастлива, насколько это было возможно в её положении. Она была свободна. Она была Элисей. И это было всё, что имело значение.

Она повернулась, чтобы уйти, и вдруг заметила тень под старым дубом. Её сердце забилося быстрее, и она напряглась, готовая бежать. Но когда она присмотрелась, она увидела мужчину, который сидел на траве и смотрел на неё.

Это был он. Всадник, которого она видела раньше. Он сидел под дубом и смотрел на неё с таким выражением, которое она не могла понять. В его глазах не было угрозы, только спокойствие и любопытство.

Он медленно встал и подошёл ближе. Его движения были плавными, но в них чувствовалась усталость. Он остановился в нескольких шагах от неё и посмотрел на закат.

— Прошу прощения, что я помешал, — сказал он, и его голос был мягким, как вечерний ветер. — Я не хотел нарушать ваше уединение. Я просто... я шёл мимо и увидел, как вы танцуете. Это было прекрасно. Я не мог отвести взгляд.

Кассандра смотрела на него, и её сердце билось в унисон с его словами. Она чувствовала, что между ними возникает нечто особенное, что-то, что она не могла объяснить.

— Вы не помешали, — сказала она. — Я просто... я люблю танцевать. Это помогает мне думать.

— О чём? — спросил он, и его голос был полон искреннего интереса.

— О жизни, — ответила она. — О свободе. О том, что значит быть собой.

Он улыбнулся, и в его улыбке было столько тепла, что она почувствовала, как её сердце тает.

— Я тоже думаю об этом, — сказал он. — Но я не умею танцевать. Я только смотрю и учусь.

Она рассмеялась, и её смех был лёгким, как ветер.

— Тогда смотрите, — сказала она. — Я покажу вам, как танцует ветер.

Она начала танцевать снова, на этот раз медленнее, более осознанно. Она чувствовала его взгляд на себе, но не боялась его. Она знала, что он не осудит её. Он просто смотрел, и это было прекрасно.

Когда она закончила, он подошёл ближе и протянул ей руку.

— Меня зовут Ксавьер, — сказал он.

Она взяла его руку, и её сердце забило быстрее.

— Я — Элисия, — сказала она. — Очень приятно познакомиться.

Они стояли у реки, глядя на закат, и между ними возникла невидимая связь, которая была сильнее любых слов. Они не знали, что это начало, но они чувствовали, что это важно. И в этот момент, под этим бесконечным небом, они оба были свободны.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, Ксавьер почувствовал, что ему пора идти. Он должен был вернуться к своим обязанностям, к своей жизни, к той реальности, от которой он так долго бежал. Но он не хотел уходить. Он хотел остаться здесь, в этом месте, где можно было просто быть собой.

— Я должен идти, — сказал он, и в его голосе была печаль. — Но я хочу спросить вас кое-что. Можно я приду сюда снова?

Кассандра посмотрела на него, и в её глазах были все ответы.

— Приходите, — сказала она. — Я буду здесь. Я всегда здесь, на закате.

Ксавьер улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что она почувствовала, как её сердце тает.

— Я приду, — сказал он. — Я обещаю.

Он развернулся и пошёл к своему коню. Каждый его шаг был тяжёлым, но в его душе было спокойствие. Он знал, что нашёл что-то важное, что-то, что может изменить его жизнь.

Когда он уезжал, он оглянулся и увидел её. Она стояла у реки, глядя ему вслед, и её фигура казалась такой хрупкой и прекрасной в свете заката. Он улыбнулся и пообещал себе, что обязательно вернётся.

Он не знал, что эта встреча станет началом чего-то великого. Но он чувствовал, что его жизнь, которая была пустой и бессмысленной после войны, начала наполняться смыслом. Он нашёл то, что искал. Он нашёл свободу.

Ксавьер ехал по дороге, и его мысли были заняты только ею. Он думал о её танце, о её улыбке, о её голосе, который был мягким, как шелест листьев. Он не знал, кто она на самом деле, но это не имело значения. Она была реальной, она была настоящей, и это было всё, что ему было нужно.

Он доехал до небольшой деревушки, где остановился на ночлег. Трактир был старым и уютным, с низким потолком и запахом дыма и жареного мяса. Ксавьер сел за стол, заказал ужин и задумался о том, что произошло за последние часы.

Он смотрел на огонь в камине, и его мысли были далеко, в том месте, где она танцевала у реки. Он задавал себе вопросы, на которые не мог найти ответа. Кто она? Откуда она взялась? Почему он чувствует себя так, как не чувствовал себя долгие годы?

Он решил, что обязательно найдёт её снова, что он узнает о ней всё, что сможет. Он должен был понять, что это за магия, которая заставила его забыть о войне, о смерти, о своих обязанностях. Он должен был узнать, что это за женщина, которая смогла вернуть ему надежду.

Он не знал, что она была Кассандрой Торонт, той самой девушкой, с которой он танцевал на балу десять лет назад. Он не знал, что она бежала от своей судьбы, как и он. Он не знал, что их встреча была не случайной, а предначертанной судьбой.

Но он знал одно: он должен был увидеть её снова. И он был готов на всё, чтобы это сделать.

Той ночью Ксавьер не мог уснуть. Он лежал на постели в своей комнате в трактире и смотрел на тёмный потолок, его мысли всё ещё кружились вокруг той девушки у реки. Он чувствовал её присутствие, как будто она была рядом, как будто её танец всё ещё звучал в его сознании.

Он вспомнил, как она двигалась — легко, свободно, беззаботно. Она не думала о том, как выглядит, не боялась, что кто-то увидит её настоящую. Она просто была собой. И это притягивало его сильнее любой красоты, которую он когда-либо видел.

Он закрыл глаза и попытался представить её лицо. Он видел его ясно — серые глаза, тёмные волосы, лёгкую улыбку, которая освещала её лицо. Она была прекрасна. Но не только её внешность привлекала его. В ней было что-то ещё. Что-то, что делало её уникальной.

Он заснул под утро, и ему приснился сон. Он танцевал с ней на балу, как десять лет назад, но на этот раз всё было иначе. Она была взрослой, и она смотрела на него с той же теплотой, что и у реки. Он чувствовал её руку в своей, и его сердце билось в унисон с её.

Когда он проснулся, он улыбнулся. Он знал, что это был знак. Он должен был найти её. Он должен был узнать, кто она на самом деле.

На следующее утро Ксавьер отправился в путь. Он ехал медленно, вдоль полей, и его взгляд искал её фигуру у реки. Но её там не было. Он остановился и посмотрел на пустой берег, и его сердце наполнилось грустью.

Он уже почти уехал, когда заметил старый дуб, под которым он сидел вчера. Под дубом лежал маленький кусок ткани — лоскуток её платья, который зацепился за кору. Он поднял его и почувствовал её запах — травы, реки, свободы.

Он улыбнулся и спрятал лоскуток в карман. Он знал, что найдёт её. Он должен был найти её. Это было его предназначение.

Ксавьер Бауэн, наследный принц, возвращался с войны. Он был измучен, разочарован и зол на себя за потери. Но теперь в его сердце была надежда. Он нашёл то, что искал долгие годы. Он нашёл ту, ради которой стоило жить. И он был полон решимости сделать всё, чтобы завоевать её сердце.

ГЛАВА 3. ВОСПОМИНАНИЕ О БАЛЕ

Прошлое имеет привычку возвращаться в самый неподходящий момент, напоминая нам о том, кем мы были и кем могли стать.

Ксавьер сидел под старым дубом на берегу реки, и его мысли были далеко — в том далёком прошлом, которое он считал давно похороненным. Ветер играл с его волосами, и солнечные лучи пробивались сквозь крону дерева, создавая на траве причудливые узоры. Но он не замечал этого. Он видел только её — танцующую девушку, которая исчезла так же внезапно, как и появилась. Он видел её движения, её улыбку, её глаза, которые казались такими знакомыми и такими чужими одновременно.

Он закрыл глаза, и перед ним всплыло воспоминание, которое он пытался забыть долгие годы. Бал в замке Торонт. Десять лет назад. Он был тогда совсем юным, всего шестнадцать лет, и ненавидел эти светские мероприятия так же сильно, как и сейчас. Но отец заставил его присутствовать, потому что это был важный дипломатический приём, на котором присутствовали все герцогские семьи королевства.

Он вспомнил, как стоял у колонны в большом бальном зале, скучая и мечтая о том, чтобы всё это поскорее закончилось. Вокруг него кружились пары, музыка играла, и воздух был наполнен запахами духов, воска и дорогих тканей. Он уже собирался уйти, когда его взгляд упал на девочку, которая пряталась в углу зала.

Она была маленькой, худенькой, с большими серыми глазами и тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу. Она стояла, прижавшись к стене, и смотрела на танцующих с таким выражением, которое он не мог понять — смесь страха, желания и грусти. Она была одета в простое платье, которое не бросалось в глаза, но в ней было что-то такое, что привлекло его внимание. Может быть, её глаза. В них горел огонь — тихий, сдержанный, но настоящий. Огонь, который она пыталась спрятать от всех.

Он подошёл к ней, сам не зная зачем. Может быть, потому, что она выглядела такой же потерянной, как и он сам. Может быть, потому, что он хотел увидеть, что скрывается за этим тихим фасадом.

— Ты не танцуешь? — спросил он, и его голос был мягче, чем он ожидал.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула паника. Она, казалось, хотела исчезнуть, провалиться сквозь землю, чтобы никто не видел её.

— Я не умею, — сказала она, и её голос был тихим, почти шепотом. Она смотрела в пол, избегая его взгляда.

— Тогда я научу тебя, — сказал он и протянул ей руку. Его ладонь была открытой и тёплой, и он надеялся, что она примет её.

Она колебалась. Он видел, как она борется сама с собой, как страх и желание борются в её душе. Но потом она взяла его за руку, и он почувствовал, как её ладонь дрожит в его руке. Её пальцы были тонкими и холодными, и он сжал их чуть крепче, пытаясь передать ей своё тепло.

Они танцевали вместе. Она была неуклюжей, наступала ему на ноги, и он чувствовал, как она смущается, как её щёки заливают краской. Но он не обращал на это внимания. Он видел, как она постепенно расслабляется, как её движения становятся более уверенными, как её глаза начинают сиять.

Когда танец закончился, она подняла на него глаза и улыбнулась. Это была робкая улыбка, но в ней было столько тепла, что у него перехватило дыхание.

— Спасибо, — сказала она. — Ты очень добрый.

— Ты красивая, когда не боишься, — сказал он тогда, и она покраснела.

Он не забыл этого момента. Он не забыл её глаз, её улыбки, её голоса. Он не забыл, как она смотрела на него, как будто он был единственным человеком в этом огромном зале. Но он не знал её имени. Он знал только, что она была из семьи Торонт.

Теперь, спустя десять лет, он видел её снова. Она была взрослой, и она была другой. Более свободной, более естественной, более самой собой. Она танцевала у реки, и в её движениях была та же чистота, которую он увидел тогда, на балу. Он не узнал в ней ту маленькую девочку — она изменилась, стала проще, естественнее. Но что-то в ней было знакомым. Что-то, что заставляло его сердце биться быстрее.

Он решил, что должен узнать её имя. Он должен был понять, кто она на самом деле. Он должен был найти её и поговорить с ней.

Кассандра стояла за деревом, спрятавшись от его взгляда, и её сердце колотилось где-то в горле. Она узнала его. Она узнала его с первого взгляда — те же серые глаза, та же спокойная уверенность, та же тёплая улыбка, которую она помнила уже десять лет.

Она смотрела на него, и в её памяти всплывали воспоминания того бала. Она была тогда маленькой и застенчивой, боялась танцевать, боялась, что кто-то увидит её неуклюжесть. Но он подошёл к ней, протянул руку, и она почувствовала себя особенной. Он сказал, что она красивая, когда не боится. И она никогда не забывала этих слов.

Теперь он стоял у реки, и он не знал, кто она. Он видел в ней просто девушку, которая танцевала у воды. Он не знал, что она — Кассандра Торонт, та самая девушка, с которой он танцевал на балу. Он не знал, что она — его невеста. Он не знал, что она сбежала от своей судьбы и теперь пытается начать новую жизнь.

Она смотрела на него, и в её душе боролись страх и надежда. Она хотела подойти к нему, сказать ему правду, рассказать всё о том, что случилось. Но она боялась. Она боялась, что он не поверит ей. Боялась, что он увидит в ней только ту девушку, которая танцевала у реки, и не увидит ту, кем она была на самом деле.

Она сделала шаг назад, споткнулась о корень дерева и упала на траву. Ксавьер обернулся на звук и увидел её — она лежала на земле, её лицо было бледным, а в глазах был страх. Он хотел подойти к ней, помочь ей встать, но она вскочила и побежала. Она бежала так быстро, как только могла, не оглядываясь, не думая о том, что оставляет его одного у реки.

Ксавьер стоял и смотрел ей вслед. Он не понимал, почему она убежала, но он чувствовал, что это было важно. Он должен был найти её. Он должен был узнать, кто она на самом деле.

Он пошёл за ней, но она уже скрылась за поворотом дороги. Он стоял у реки, глядя на пустой берег, и думал о том, что только что произошло. Он не знал, что это было началом чего-то великого. Но он чувствовал, что его жизнь уже никогда не будет прежней.

Кассандра бежала, не разбирая дороги. Она бежала через поля, через лес, через деревушку, не останавливаясь, пока не добралась до своего домика. Она вбежала внутрь, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша.

Её сердце билось так сильно, что она слышала его гул в ушах. Она закрыла глаза и попыталась успокоиться, но мысли продолжали кружиться в её голове. Он был здесь. Он пришёл сюда, к реке, и увидел её. И она убежала. Она оставила его стоять одного, не сказав ни слова.

Она опустилась на пол, чувствуя, как слёзы текут по её щекам. Она не знала, что делать. Она хотела рассказать ему правду, но она боялась. Она боялась, что он отвернётся от неё, что он увидит в ней только лгунью, которая скрывала свою настоящую личность. Она боялась, что потеряет его, даже не успев узнать.

Она сидела на полу, и её мысли были в полном хаосе. Она думала о том, что могло бы быть, если бы она подошла к нему, если бы сказала ему правду. Но она не знала, что будет завтра. Она знала только одно: она должна была увидеть его снова. Она должна была объясниться. Она должна была сказать ему всё.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на закат. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в оттенки золота и багрянца. Она смотрела на это прекрасное зрелище и чувствовала, как внутри неё растёт решимость.

Она не будет бегать. Она не будет прятаться. Она встретится с ним снова и скажет ему всё. Она расскажет ему о том, кто она на самом деле. И что бы ни случилось, она будет готова к этому.

Она улыбнулась, и в её улыбке была уверенность. Она знала, что она сильная. Она прошла через многое, чтобы оказаться здесь, и она не позволит страху управлять её жизнью. Она встретится с ним снова. И она скажет ему правду.

На следующее утро Ксавьер снова пришёл к реке. Он ждал её, надеясь увидеть её снова, но её не было. Он смотрел на пустой берег и чувствовал, как его сердце наполняется грустью.

Он ходил вдоль реки, искал её среди полей, но она исчезла. Он не знал, что делать. Он не знал, где она живёт, как её найти. Он знал только, что она была здесь, у реки, и что она убежала от него.

Он сидел под дубом и думал о том, что произошло. Он вспоминал её глаза, её улыбку, её движения. Он чувствовал, что должен найти её. Он должен был узнать, кто она на самом деле.

Он решил, что будет ждать её здесь, у реки, пока она не вернётся. Он будет ждать столько, сколько потребуется. Потому что он знал, что она была той, кого он искал все эти годы.

Кассандра стояла у окна своего домика и смотрела на реку. Она видела его, сидящего под дубом, и её сердце сжималось от боли. Она хотела подойти к нему, но страх сковывал её. Она не знала, что делать.

Она смотрела на него, и в её душе боролись надежда и страх. Она хотела, чтобы он ушёл, чтобы он забыл о ней. Но она также хотела, чтобы он остался, чтобы он ждал её.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она знала, что должна принять решение. Она должна была либо подойти к нему, либо навсегда потерять его.

Она открыла глаза и вышла из дома. Она пошла к реке, к старому дубу, где он сидел. Она шла медленно, но уверенно. Она не боялась. Она была готова.

Когда она подошла к нему, он поднял голову и посмотрел на неё. В его глазах была надежда и удивление.

— Ты пришла, — сказал он.

— Я пришла, — ответила она. — Я хочу сказать тебе правду.

Она села рядом с ним и начала рассказывать. Она рассказала ему о том, что она — Кассандра Торонт, о том, что её сестра поменялась с ней телами, о том, что она сбежала, чтобы спасти свою свободу. Она рассказала ему о своей жизни, о своих мечтах, о своих страхах.

Ксавьер слушал её молча. Он не прерывал её, не задавал вопросов. Он просто слушал, и его глаза были полны понимания.

Когда она закончила, он взял её за руку и сжал её.

— Я знаю, кто ты, — сказал он. — Я помню тебя. Ты танцевала со мной на балу десять лет назад. Ты была маленькой и застенчивой, но в твоих глазах горел огонь. Я никогда не забывал этого.

Кассандра посмотрела на него, и в её глазах были слёзы.

— Ты помнишь? — прошептала она.

— Я помню всё, — сказал он. — И я рад, что мы встретились снова.

Они сидели у реки, и их сердца бились в унисон. Они знали, что впереди их ждут новые испытания, но они не боялись. Потому что они были вместе. И это было всё, что имело значение.

Когда солнце село за горизонт, они встали и пошли к дому. Они шли медленно, держась за руки, и их сердца были полны надежды. Они знали, что их жизнь изменилась, и что это было только начало.

Ксавьер остановился у её калитки и посмотрел на неё.

— Я приду завтра, — сказал он. — Я буду приходить каждый день, пока ты не позволишь мне остаться.

Кассандра улыбнулась, и в её улыбке было всё её сердце.

— Я буду ждать, — сказала она.

Он ушёл, и она стояла у калитки, глядя ему вслед. Она знала, что её жизнь теперь никогда не будет прежней. Она нашла его. Она нашла ту любовь, о которой мечтала. И она была готова бороться за неё.

Ночью Кассандра не могла уснуть. Она лежала в своей кровати, глядя в темноту, и думала о том, что произошло за последний день. Она встретила Ксавьера, она рассказала ему правду, и он принял её. Он не отвернулся от неё, не осудил её. Он просто был рядом.

Она чувствовала, как внутри неё растёт счастье, которое она не испытывала уже долгие годы. Она чувствовала, что её жизнь начинает обретать новый смысл. Она больше не была одна. У неё был кто-то, кто готов был принять её такой, какая она есть.

Она улыбнулась в темноте и закрыла глаза. Она знала, что завтра будет новый день, и что он принесёт ей новые надежды и новые мечты. Она была готова к ним. Потому что она была сильной. Потому что она была свободной. Потому что она была собой.

Ксавьер тоже не мог уснуть. Он сидел в своей комнате в трактире и смотрел на лунный свет, который проникал через окно. Он думал о ней, о её глазах, о её улыбке, о её голосе. Он думал о том, как она танцевала у реки, как она рассказывала ему свою историю. Он думал о том, как он счастлив, что встретил её.

Он знал, что впереди их ждут трудности. Он знал, что его отец не одобрит этот союз. Он знал, что придворные будут плести интриги. Но он был готов ко всему. Он был готов бороться за неё. Он был готов пожертвовать всем, чтобы быть с ней.

Он улыбнулся и закрыл глаза. Он знал, что завтра он снова увидит её. И это было самое важное.

ГЛАВА 4. СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Тайны, которые мы храним, со временем становятся тяжелее, чем камни, и могут раздавить нас, если мы не найдём силы открыть их.

Замок Торонт погружался в вечернюю тишину, когда Эстелла кралась по тёмным коридорам, сжимая в руках старую книгу в кожаном переплёте. Стук её сердец отдавался в ушах гулким эхом, заглушая даже звук собственных шагов по каменному полу. Книга была тяжёлой, с потёртыми страницами и странным символом на обложке — розой с шипами, которые обвивали стебель, словно змеи, готовые ужалить любого, кто осмелится прикоснуться к их сокровищу. Эстелла нашла её в библиотеке отца, спрятанную за рядом философских трактатов, которые никто никогда не читал. Она знала, что эта книга — нечто особенное. Она чувствовала это по тому, как книга нагревалась в её руках, как её страницы шелестели, как будто шептали ей что-то на древнем языке, который она не могла понять, но который интуитивно чувствовала.

Библиотека герцога Торонт была одной из самых больших в королевстве — трёхэтажное помещение с высокими потолками, украшенными фресками, изображающими сцены из древней истории Ронденмара. Тысячи томов стояли на дубовых полках, некоторые из них были настолько старыми, что их страницы рассыпались при малейшем прикосновении. Эстелла проводила здесь долгие часы в поисках знаний, которые могли бы помочь ей осуществить её мечты. Она перечитала сотни книг о магии, о древних ритуалах, о легендарных артефактах, которые давали их владельцам невероятную силу. И сегодня она наконец нашла то, что искала.

Она зашла в свою комнату, закрыла дверь на засов и села на кровать. Свеча мерцала на столике, отбрасывая дрожащие тени на стены, которые танцевали в такт пламени, создавая иллюзию движения. В комнате было тихо, только тиканье старых часов нарушало тишину, отсчитывая секунды, которые приближали её к цели. Эстелла открыла книгу и начала листать страницы. Бумага была жёлтой и хрупкой, некоторые страницы были порваны, другие — залиты воском. Она искала что-то, что могло бы помочь ей осуществить её мечту. Что-то, что могло бы дать ей силу, о которой она всегда мечтала.

Она была младшей дочерью герцога Торонт. Всегда младшей. Всегда второй. Всегда той, на кого никто не обращал внимания. Она родилась через три года после Кассандры, и с самого детства её жизнь была тенью жизни сестры. Кассандра была идеальной — тихой, послушной, красивой в своей скромности. Она никогда не перечила родителям, никогда не нарушала правил, никогда не делала ничего, что могло бы вызвать неодобрение. Она была старшей, наследницей состояния, невестой наследного принца. Она была той, кого все любили, кого все уважали, кого все боялись обидеть.

Эстелла вспоминала своё детство с горечью, которая жгла её изнутри, как огонь, который невозможно погасить. Она помнила, как стояла в тени сестры на всех приёмах, как родители хвалили Кассандру за её манеры и скромность, а на неё смотрели с разочарованием. Она помнила, как Кассандра получала лучшие подарки, лучшие наряды, лучшее образование. А Эстелла получала то, что оставалось. Она помнила, как её отправляли в свою комнату, когда она была слишком шумной, слишком непослушной, слишком собой.

— Почему ты не можешь быть как Кассандра? — слышала она снова и снова. Эти слова преследовали её, как проклятие, от которого нельзя было избавиться.

Она ненавидела это. Она ненавидела свою жизнь, свою судьбу, своё место в этом мире. Она хотела быть Кассандрой. Она хотела быть той, кого уважают, той, кого боятся, той, у кого есть всё. Она хотела, чтобы на неё смотрели с восхищением, а не с жалостью. Она хотела власти, богатства, любви — всего, что было у её сестры.

И она нашла способ.

Книга, которую она держала в руках, была гримуаром — древним магическим трактатом, написанным несколько веков назад, в эпоху, когда магия была распространена повсюду и использовалась даже простыми людьми. В нём описывались ритуалы, которые могли изменить судьбу человека. Ритуалы, которые могли дать власть, богатство, любовь. Ритуалы, которые могли сделать человека бессмертным или, наоборот, уничтожить его душу. И один из этих ритуалов был именно тем, что она искала.

Ритуал обмена телами.

Эстелла читала страницу за страницей, и её глаза горели от возбуждения. Слова плыли перед ней, но она схватывала их с жадностью голодного человека, который нашёл пищу после долгого поста. Она перечитывала каждую строчку по нескольку раз, чтобы убедиться, что ничего не упустила. Это было опасно — книга предупреждала о последствиях, о том, что неправильно проведённый ритуал мог уничтожить душу или навсегда заточить сознание в пустоте. Но она была готова рискнуть. Она была готова на всё, чтобы получить то, что она хотела.

Она подошла к шкафу и достала артефакт, который хранила в тайне уже несколько недель. Это была роза — прекрасная, алая роза, которая светилась в темноте мягким красным светом, похожим на закатное солнце. Её лепестки были нежными, как шёлк, и в центре её мерцал красный камень, который пульсировал, словно живое сердце. Эстелла нашла её на чёрном рынке в столице, заплатив за неё все свои сбережения — и ещё немного, потому что продавец почувствовал её отчаяние и взвинтил цену. Роза была древним артефактом, который мог управлять чувствами людей, вселять любовь, страсть, ненависть, страх. Но Эстелла знала, что её сила была намного больше. Если использовать её правильно, она могла стать ключом к ритуалу обмена телами.

Эстелла улыбнулась. Роза была идеальной. Она была символом её новой жизни. Она сжала её в руке и почувствовала, как тепло разливается по её телу, как артефакт отвечает на её прикосновение. Это было правильное чувство — чувство силы.

Она начала приготовления. Она нарисовала на полу своей комнаты сложный круг с магическими символами, которые она скопировала из книги. Символы были древними, с начертаниями, которые напоминали языки пламени или ветви деревьев. Она проводила мелом по каменному полу, стараясь, чтобы линии были идеально ровными, чтобы ни одна ошибка не испортила ритуал. В центре круга она поставила свечи и положила розу. Она зажгла свечи и начала читать заклинание.

Она говорила слова на древнем языке, который она выучила специально для этого ритуала. Язык был гортанным и трудным, но она практиковалась несколько недель, повторяя слова снова и снова, пока они не стали звучать естественно. Её голос был тихим, но уверенным. Она знала, что делает. Она знала, что это сработает.

Магия начала работать. Воздух вокруг неё сгустился, и она почувствовала, как энергия наполняет её тело, как электричество пробегает по венам. Роза засветилась ярче, и её лепестки начали двигаться, словно живые, раскрываясь и закрываясь в такт её словам. Свечи вспыхнули ярким пламенем, и тени на стенах начали танцевать, создавая причудливые узоры.

Эстелла закрыла глаза и почувствовала, как её сознание начинает растворяться. Она чувствовала, как её тело становится лёгким, как воздух, как она начинает подниматься над полом. Она чувствовала, как её душа отделяется от тела, как она парит в пустоте, и видит, как её тело остаётся внизу, безжизненное, как кукла.

И вдруг всё исчезло.

Кассандра проснулась от странного ощущения. Что-то было не так. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела, каждым нервом, каждой частицей своего существа. Что-то изменилось, и это изменение было фундаментальным, как будто мир перевернулся с ног на голову.

Она открыла глаза и увидела потолок, который был чужим. Это была не её комната, не её кровать, не её балдахин. Она села на кровати и огляделась. Всё было знакомым, но не её. Это была комната Эстеллы.

Она встала и подошла к зеркалу. Её сердце забилося быстрее, когда она увидела своё отражение. Это была не она. Это была Эстелла. Её лицо, её тело, её волосы, её глаза. Она смотрела на себя и не верила своим глазам. Она провела рукой по лицу, и отражение повторило её движение. Она коснулась волос — они были чужими, тёмными и гладкими, не такими, как её собственные. Она смотрела на своё отражение, и внутри неё нарастала паника.

— Что произошло? — прошептала она, и голос, который вырвался из её горла, был чужим — более высоким, более резким, голосом Эстеллы.

Она вспомнила странный сон, который ей приснился. Сон о ритуале, о магии, о розе. Она вспомнила голос Эстеллы, которая читала заклинание. Она вспомнила, как энергия наполняла комнату, как она чувствовала, что что-то происходит. Она поняла, что это был не сон. Это была реальность.

Она почувствовала, как мир вокруг неё рушится. Она больше не была собой. Она была в теле своей младшей сестры. Она потеряла всё — свою жизнь, своё лицо, свою судьбу. Она сжала кулаки, и ногти впились в ладони, но боль была приглушённой, как будто это тело не было её собственным.

Но когда паника начала захлёстывать её, она почувствовала странное облегчение. Оно пришло не сразу — сначала был шок, отчаяние, страх. Но потом, когда она поняла, что это значит, она почувствовала, как с её плеч снимается тяжёлый груз. Она больше не была невестой принца. Она больше не была дочерью герцога. Она больше не была пешкой в политических играх. Она была никем. И это было прекрасно.

Она посмотрела в зеркало и улыбнулась. Это была улыбка свободы. Она была свободна. Она могла уйти, могла начать новую жизнь. Она могла стать кем угодно. Она могла быть собой — настоящей собой, без масок, без обязанностей, без страха.

Она оделась в простую одежду, которую нашла в шкафу Эстеллы — льняное платье, которое было слишком простым для её вкуса, но идеально подходило для побега. Она нашла немного денег — несколько серебряных монет, которые лежали в шкатулке на столике. Она взяла только самое необходимое. Она не хотела брать ничего, что принадлежало Эстелле. Она хотела оставить всё позади.

Она выскользнула из комнаты, крадучись по коридорам замка. Сердце колотилось в груди, но она шла уверенно. Она знала каждый уголок этого замка, каждый коридор, каждую дверь. Она проходила мимо комнат, в которых жила, мимо мест, где была счастлива, мимо мест, где была несчастна. Она проходила мимо своей жизни, и она не оглядывалась.

Она вышла через кухонный выход, который использовали только слуги, и вдохнула холодный ночной воздух. Он был свежим и чистым, наполненным запахами леса и реки. Она стояла на пороге новой жизни. Она была свободна. Она оставила всё позади — свою семью, свои обязанности, свои страхи. Она начала новую жизнь.

Она шла по дороге, и её сердце билось в унисон с её шагами. Она не знала, куда идёт, но она знала, что это путь к свободе. Она была счастлива. Впервые за долгие годы она была счастлива.

Эстелла проснулась в теле Кассандры. Она открыла глаза и увидела знакомый потолок — потолок комнаты сестры. Комната была светлой, с большими окнами, которые выходили на сад. Здесь пахло цветами и книгами — запахами, которые всегда ассоциировались у неё с сестрой. Она села на кровати и посмотрела на свои руки. Они были чужими. Это были руки Кассандры — тонкие, изящные, с длинными пальцами. Она провела пальцами по лицу, чувствуя нежную кожу, которую она так долго хотела иметь.

Она улыбнулась. Ритуал сработал. Она была Кассандрой. Она была невестой принца, наследницей состояния, той, кого все уважали. Она получила всё, о чём мечтала. Она встала и подошла к зеркалу. Она смотрела на себя и чувствовала, как внутри неё растёт радость. Она была прекрасна. Она была идеальна. Она была всем, чем хотела быть.

— Я сделала это, — прошептала она, и голос, который вырвался из её горла, был голосом Кассандры — мягким, спокойным, мелодичным. — Я сделала это. Я наконец-то стала ею.

Она повернулась и посмотрела на дверь. Она знала, что её ждёт новая жизнь. Она будет править. Она будет покорять. Она будет великой. Она вышла из комнаты и направилась к родителям. Она хотела увидеть их лица, когда они увидят свою новую дочь. Она хотела насладиться их уважением, их любовью, их страхом.

Она была Кассандрой. И она была готова к своей новой жизни.

Кассандра шла по дороге, и мысли о прошлом оставались позади. Она не думала о своей семье, о своих обязанностях, о своей судьбе. Она думала только о свободе. Она была свободна, и это было всё, что имело значение. Она шла несколько часов, пока усталость не начала брать своё. Ноги гудели, а дорога казалась бесконечной. Но она не останавливалась. Она должна была уйти как можно дальше от замка, от прошлого, от себя прежней.

Солнце начало подниматься, окрашивая небо в золотистые и розовые оттенки. Она шла по полям, мимо лесов, мимо маленьких ручьёв, и каждый шаг приближал её к новой жизни. Она чувствовала, как ветер играет с её волосами, и это было приятно. Она чувствовала, как солнце касается её лица, и это было тепло. Она чувствовала, как свобода наполняет её душу, и это было прекрасно.

Она шла несколько часов, пока не увидела небольшую деревушку у реки. Это было красивое место — золотистые поля пшеницы, старый дуб на берегу, лес вдалеке. Она почувствовала, что это то, что она искала. Здесь она могла начать новую жизнь. Здесь она могла быть собой.

Она вошла в деревушку, которая называлась Крайние Холмы, и встретила первую женщину — вдову Марту, которая смотрела на неё с добротой. Марта была невысокой, с седыми волосами и морщинистым лицом, но в её глазах было столько тепла, что Кассандра почувствовала себя почти как дома.

— Ты потерялась, милая? — спросила Марта, и её голос был мягким, как у матери, которой Кассандра так не хватало.

— Нет, — ответила Кассандра, и её голос был усталым, но уверенным. — Я ищу дом.

Марта улыбнулась и показала ей домик на краю деревни. Это было маленькое, но уютное место, с деревянными стенами и соломенной крышей. Оно было пустым, но в нём было тепло.

— Там никто не живёт, — сказала она. — Если хочешь, можешь поселиться там. Дом старый, но крепкий. Там есть камин, колодец во дворе и небольшой огород. На первое время хватит.

Кассандра поблагодарила её и пошла к домику. Она открыла дверь и вошла внутрь. Внутри было пыльно и пусто, но она чувствовала, что это её новый дом. Она поставила на стол единственную вещь, которую забрала с собой — маленькое карманное зеркальце, которое всегда носила с собой. Это был её единственный артефакт, единственное напоминание о прошлой жизни.

Она посмотрела на своё отражение в зеркальце и улыбнулась. Она больше не была Кассандрой. Она была Элисией. И это было началом её новой жизни.

Эстелла сидела в гостиной замка Торонт, наслаждаясь своей новой ролью. Родители смотрели на неё с гордостью, слуги кланялись ей, и она чувствовала себя королевой. Она была одета в роскошное платье Кассандры — синее, с серебряной вышивкой, которое так шло её новому телу. На шее у неё было ожерелье из сапфиров, которое Кассандра носила только по особым случаям. Эстелла носила его каждый день.

Она была счастлива. Она получила всё, чего хотела. Но в глубине души она знала, что это только начало. Она хотела большего. Она хотела власти, богатства, любви. Она хотела править миром. Она сжала розу, которая была у неё в руке, и улыбнулась. Она знала, что этот артефакт был только началом. Она найдёт другие, более могущественные. Она станет самой великой женщиной в истории.

Она была готова к своей новой жизни. Она была готова к тому, что ждёт её впереди.

Кассандра сидела у реки и смотрела на закат. Она думала о своей семье, о своей сестре, о своей жизни. Но эти мысли больше не причиняли ей боли. Она была свободна. Она была счастлива. Она встала и начала танцевать. Её движения были лёгкими, как ветер, и она чувствовала, что она часть этого мира. Она была Элисией, и это было прекрасно.

Она знала, что её жизнь теперь никогда не будет прежней. Но она была готова к этому. Она была готова к новым испытаниям, новым приключениям, новой любви. Она улыбнулась и продолжила танцевать. Она была свободна.

Две недели спустя Эстелла сидела в своей комнате и смотрела на розу. Она чувствовала, как артефакт становится слабее. Его лепестки начали чернеть, и магия внутри него угасала. Она не понимала, что происходит. Она не знала, что её ненависть и зависть разрушали артефакт. Она не знала, что её сестра была сильнее, чем она думала.

Она сжала розу и попыталась использовать её магию, но ничего не произошло. Она чувствовала, как энергия ускользает от неё, как песок сквозь пальцы. Паника начала захлёстывать её.

— Нет, — прошептала она. — Нет, ты не можешь оставить меня. Ты должна служить мне.

Но роза молчала. Она была мертва. Эстелла почувствовала, как её новый мир начинает рушиться. Она потеряла свою магию, свою власть, свою силу. Она была снова никем.

Она закричала и упала на пол. Она ненавидела свою сестру. Она ненавидела всех. Но больше всего она ненавидела себя. Она знала, что её поражение неизбежно. Но она не собиралась сдаваться. Она встала и улыбнулась. Это была злая улыбка. Она найдёт способ вернуть свою власть. Она победит свою сестру. Она станет королевой.

Она была готова к своей новой битве.

Кассандра сидела у реки и чувствовала, как вечерний ветер касается её лица. Она думала о своей сестре, о её зависти, о её злобе. Но она не чувствовала гнева. Только грусть. Она знала, что Эстелла была несчастна. Она знала, что её сестра хотела быть ею, хотела иметь её жизнь. Но она не знала, что это принесёт ей только боль.

Она взяла карманное зеркальце и посмотрела на своё отражение. В отражении она увидела лицо Эстеллы, но в её глазах был свет, который был её собственным. Она улыбнулась и убрала зеркальце. Она знала, что её жизнь теперь никогда не будет прежней. Но она была готова к этому. Она была готова к новой жизни, новым испытаниям, новой любви.

Она встала и пошла к своему домику. Она шла по тропинке, и ветер играл с её волосами. Она была свободна. И она была счастлива.

Ночью Кассандра лежала в своей кровати и думала о том, что произошло. Она потеряла всё — свою семью, своё лицо, свою судьбу. Но она обрела свободу. И это было всё, что имело значение. Она закрыла глаза и улыбнулась. Она знала, что завтра будет новый день, и он принесёт ей новые надежды и новые мечты. Она была готова к ним.

Она была сильной. Она была свободной. Она была собой.

Эстелла сидела в своей комнате и смотрела на розу. Она знала, что её магия угасает, но она не собиралась сдаваться. Она найдёт другой способ победить свою сестру. Она вернёт свою власть. Она сжала кулаки и улыбнулась. Это была злая улыбка. Она была готова к своей новой битве. Она знала, что это только начало.

Кассандра проснулась на следующее утро и почувствовала, что её жизнь изменилась. Она больше не была той, кем была раньше. Она была Элисией. И это было прекрасно. Она встала,

оделась и вышла из дома. Она смотрела на поля, на реку, на старый дуб. Она чувствовала, что это её дом. Что она нашла своё место в этом мире. Она улыбнулась и пошла к реке. Она знала, что сегодня будет новый день, и он принесёт ей новые испытания и новые возможности. Она была готова к ним. Она была свободна. И она была счастлива.

ГЛАВА 5. ПОБЕГ

Иногда самый смелый поступок — это не сражаться, а уйти, оставляя позади всё, что тебя держало в клетке.

Ночь была тёмной и холодной, когда Кассандра выскользнула из кухонного выхода замка Торонт. Ветер бил в лицо, холодный и резкий, но она не чувствовала его. Она чувствовала только биение своего сердца, которое колотилось где-то в горле, и странное облегчение, которое разливалось по её телу, как тёплая волна. Она была свободна. Она оставила позади всё — свою жизнь, свою семью, свои обязанности. Она была никем. И это было прекрасно.

Она шла по тёмной дороге, и каждый шаг приближал её к новой жизни. Замок Торонт оставался позади, его силуэт исчезал в темноте, и она чувствовала, как с каждым шагом тяжесть, которую она носила годами, становится легче. Она не оглядывалась. Она не хотела видеть это место, которое было её домом, но никогда не было её убежищем.

В кармане её платья лежало маленькое карманное зеркальце — единственная вещь, которую она взяла с собой. Эстелла не считала его опасным, не знала его истинной силы. Она думала, что это просто украшение, безделушка, которую Кассандра носила из сентиментальности. Но Кассандра знала правду. Это зеркальце было артефактом, который мог раскрывать истину, видеть сквозь иллюзии, показывать то, что скрыто от глаз. Оно было её единственным союзником в этом новом мире.

Она шла несколько часов, пока усталость не начала брать своё. Ноги гудели, глаза слипались, но она не останавливалась. Она должна была уйти как можно дальше от замка, от прошлого, от себя прежней. Она должна была найти место, где никто не знал её имени, где она могла начать всё сначала.

Когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь туман, она увидела вдалеке небольшое поселение. Это была деревушка Крайние Холмы — маленькая, уютная, затерянная среди бескрайних полей пшеницы и лесов. Она почувствовала, что это то, что она искала. Здесь она могла спрятаться. Здесь она могла быть собой.

Она вошла в деревушку, и её встретила тишина. Только петухи кричали где-то вдалеке, и собака лаяла на привязи. Люди только просыпались, открывали ставни, выходили на крыльцо. Она была чужой здесь, но чувствовала себя более дома, чем когда-либо в замке.

Она встретила первую женщину — вдову Марту, которая смотрела на неё с добротой. Марта была невысокой, с седыми волосами и морщинистым лицом, но в её глазах было столько тепла, что Кассандра почувствовала, как её сердце наполняется надеждой.

— Ты потерялась, милая? — спросила Марта, и её голос был мягким, как у матери, которой Кассандра так не хватало.

— Нет, — ответила Кассандра, и её голос был усталым, но уверенным. — Я ищу дом. Я хочу начать новую жизнь.

Марта улыбнулась и показала ей домик на краю деревни. Это было маленькое, но уютное место, с деревянными стенами и соломенной крышей. Оно было пустым, но в нём было тепло. Внутри была одна комната с камином, кухонный уголок и небольшая кладовка. За домом был небольшой огород и колодец. Это было скромно, но Кассандра чувствовала, что это её новый дом.

— Там никто не живёт, — сказала Марта. — Хозяин умер год назад, и наследников не осталось. Дом старый, но крепкий. Если хочешь, можешь поселиться там. Ты одна? Семья есть?

— Я одна, — сказала Кассандра, чувствуя, как её голос дрожит. — И я хочу, чтобы так и оставалось.

Марта кивнула, понимающе улыбаясь.

— Иногда быть одной — это лучшее, что может случиться с женщиной. У тебя есть деньги? Дом стоит немного — пять серебряных монет. Он не дорогой, но он твой.

Кассандра достала кошелек с монетами, которые она взяла из комнаты Эстеллы. Это было немного — всего несколько серебряных и медных монет, но этого хватило на дом и на первое время. Она отсчитала пять монет и протянула их Марте.

— Спасибо, — сказала она. — Я сделаю всё, чтобы этот дом стал настоящим домом.

Марта улыбнулась и показала ей, где находится колодец, как топить камин и где можно купить продукты. Она рассказала ей о соседях, о местном писаре, о травнице Ирме, которая живёт в конце деревни. Она была добра и заботлива, как будто знала Кассандру всю жизнь.

Кассандра вошла в дом и закрыла за собой дверь. Она стояла посреди комнаты, чувствуя, как тишина обнимает её. Здесь не было слуг, не было родителей, не было сестры, которая смотрела на неё с завистью. Здесь была только она. И это было прекрасно.

Она подошла к столу, поставила на него карманное зеркальце и посмотрела на своё отражение. В отражении она увидела лицо Эстеллы, но в её глазах был свет, который был её собственным. Она улыбнулась.

— Привет, Элисия, — прошептала она. — Добро пожаловать домой.

Первые дни в новом доме были странными. Кассандра — теперь Элисия — просыпалась каждое утро в незнакомой комнате и несколько мгновений не могла понять, где она находится. Но потом она вспоминала, что она свободна, и улыбалась. Она вставала, умывалась холодной водой из колодца, завтракала простым хлебом с мёдом и выходила на крыльцо. Она смотрела на поля, на реку, на старый дуб, и чувствовала, как её сердце наполняется радостью.

Она начала исследовать окрестности. Она ходила по полям, вдоль реки, через лес. Она дышала чистым воздухом, слушала пение птиц, чувствовала, как ветер касается её лица. Она была свободна. Она была счастлива.

Она также начала знакомиться с соседями. Они были простыми людьми — фермерами, ремесленниками, торговцами. Они не знали её прошлого, не знали её титула, не знали, кто она на самом деле. Для них она была просто Элисией — девушкой, которая приехала из ниоткуда и поселилась в старом доме у реки. И это было именно то, что она хотела.

Она познакомилась с Мирой — маленькой рыжеволосой девочкой, дочерью травницы Ирмы. Мира была любопытной и доброй, и она сразу полюбила Элисию. Она часто приходила к её дому, задавала вопросы, играла у реки. И Элисия чувствовала, как её сердце наполняется теплом, когда видит эту девочку.

— Почему ты живёшь одна? — спросила Мира однажды.

— Потому что я хочу быть свободной, — ответила Элисия.

— А что такое свобода? — спросила Мира.

— Свобода — это когда ты можешь быть собой, — сказала Элисия. — Когда никто не говорит тебе, что ты должна делать. Когда ты сама выбираешь свой путь.

Мира задумалась, а потом сказала с детской прямоотой:

— Тогда я тоже хочу быть свободной. Я хочу быть как ты.

Элисия улыбнулась и погладила её по голове.

— Ты будешь, Мира. Ты обязательно будешь.

Однажды утром, когда Элисия сидела на крыльце и смотрела на реку, её посетила идея. Она думала о том, чем она может заняться, как она может заработать на жизнь. Она не хотела просить денег у соседей или быть обузой для деревни. Она хотела сама обеспечить себя.

Она вспомнила своё обучение в замке, где она изучала травы, алхимию, магические свойства растений. Она знала, что из некоторых трав и минералов можно сделать чернила. И она знала, что в деревне нужны чернила — для писарей, для торговцев, для тех, кто ведёт учёт.

Она решила начать дело по производству чернил.

Она начала экспериментировать. Она ходила в лес, собирала травы, корни, ягоды. Она находила глину, уголь, железную руду. Она смешивала ингредиенты в разных пропорциях, пробовала разные рецепты. Она работала с утра до вечера, и её руки были испачканы чернилами, но она была счастлива.

Она создала свой первый флакон чернил на третий день. Это были тёмно-синие чернила, которые хорошо ложились на бумагу и не размазывались. Она отнесла их местному писарю, и он был в восторге.

— Это лучшие чернила, которые я когда-либо видел, — сказал он. — Где ты научилась делать такие?

— Я просто экспериментировала, — скромно ответила Элисия.

Она начала делать чернила на продажу. Она продавала их писарям, торговцам, даже некоторым соседям, которые вели учёт. Её чернила стали популярными, и она заработала достаточно денег, чтобы купить продукты и необходимые вещи.

Она чувствовала гордость. Она создавала что-то своими руками, что-то полезное и красивое. Она была независимой. Она была свободной.

Но однажды, когда она смешивала новые ингредиенты, она случайно добавила в смесь немного лунного камня, который нашла на берегу реки. Она не знала, что это лунный камень — она думала, что это просто красивый белый камень. Она растёрла его в пыль и добавила в чернила.

Результат был удивительным. Чернила, которые она создала, были невидимыми при обычном свете. Они становились видимыми только при лунном свете или при свете некоторых артефактов. Она была поражена.

— Это невероятно, — прошептала она. — Я создала нечто уникальное.

Она держала этот секрет в тайне. Она знала, что такие чернила могут быть опасны, если попадут в неправильные руки. Она делала их только для себя, для своих экспериментов. Но она также знала, что однажды они могут спасти ей жизнь.

Она чувствовала, что её жизнь начинает обретать смысл. Она больше не была пешкой в политической игре. Она была ремесленницей, создательницей, женщиной, которая выбрала свой путь. И это было прекрасно.

Прошло несколько недель, и Элисия начала привыкать к своей новой жизни. Она вставала рано утром, работала в своей мастерской, гуляла вдоль реки, встречалась с Мирой и другими соседями. Она чувствовала себя живой. Она чувствовала, что она существует.

Она больше не думала о замке Торонт, о своей семье, о своей сестре. Она оставила всё это позади. Она была Элисией. И это было всё, что имело значение.

Но иногда, когда она смотрела на своё отражение в карманном зеркальце, она видела лицо Эстеллы и вспоминала о том, что она потеряла. Но она не позволяла грусти овладеть ею. Она знала, что она сделала правильный выбор. Она была свободна. И это было важнее всего.

Она сидела на крыльце своего дома, смотрела на реку и чувствовала, как ветер касается её лица. Она улыбнулась. Она была счастлива.

Элисия встала с крыльца и пошла к реке. Она хотела искупаться, хотела почувствовать, как вода касается её кожи. Она разделась и вошла в воду, и холод обжёг её, но это было приятно. Она закрыла глаза и позволила себе раствориться в этом моменте. Она была свободна. Она была счастлива.

Она плавала, ныряла, чувствовала, как вода обнимает её. Она вышла на берег, села на траву и посмотрела на закат. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в золотые и розовые оттенки. Она чувствовала, как её сердце наполняется радостью. Она была жива.

— Я сделала это, — прошептала она. — Я сбежала. Я начала новую жизнь. Я свободна.

Она улыбнулась и пошла домой. Завтра будет новый день, и он принесёт ей новые надежды и новые мечты. Она была готова к ним. Она была сильной. Она была свободной. Она была Элисией.

На следующее утро Элисия решила исследовать лес. Она хотела найти новые травы и минералы для своих чернил. Она взяла корзину, нож и отправилась в путь. Лес был старым и густым, с высокими деревьями, которые закрывали небо. В лесу было тихо, только птицы пели где-то высоко в кронах.

Она шла по тропинке, собирая травы и корни. Она находила редкие растения, которые не росли в полях. Она чувствовала себя исследователем, первооткрывателем. Она была в своей стихии.

Она наткнулась на полянку с дикими цветами. Она остановилась и замерла. Это было невероятно красиво — тысячи цветов разных оттенков, которые покачивались на ветру. Она села на траву и смотрела на это зрелище. Она чувствовала, как внутри неё растёт радость. Она была частью этого мира.

Она сорвала несколько цветов и положила их в корзину. Она хотела использовать их для своих чернил. Она хотела создать что-то красивое, что-то, что отражало бы этот мир, эту свободу.

Она вернулась домой, когда солнце начинало садиться. Она была уставшей, но счастливой. Она выложила травы и цветы на стол и начала их сортировать. Она работала до позднего вечера, но её это не утомляло. Она была в своей стихии.

Элисия сидела за столом и смотрела на свои чернила. Она создала несколько флаконов, каждый с уникальным оттенком и свойствами. Она чувствовала гордость. Она создавала что-то своими руками, что-то полезное и красивое.

Она взяла перо, окунула его в чернила и начала писать на листе бумаги. Она писала о своей новой жизни, о своей свободе, о своих мечтах. Она писала о том, что она нашла свой путь, и что она счастлива.

«Я — Элисия, — написала она. — Я свободна. Я могу быть собой. Я могу делать то, что люблю. Я могу жить так, как я хочу. Это и есть счастье».

Она поставила точку и улыбнулась. Она чувствовала, что её жизнь теперь имеет смысл. Она была не просто дочерью герцога, не просто пешкой в политических играх. Она была Элисией. И это было всё, что имело значение.

Прошло несколько месяцев. Элисия стала частью деревушки Крайние Холмы. Она была известна как талантливая мастерица чернил, которая всегда улыбалась и была добра к детям. Её чернила были популярны не только в деревне, но и в соседних городах. Она зарабатывала достаточно, чтобы жить комфортно.

Она чувствовала себя счастливой. Она чувствовала, что она нашла своё место в мире. Она была свободна. И это было важнее всего.

Но иногда, когда она смотрела на своё карманное зеркальце, она видела лицо Эстеллы и вспоминала о том, что она потеряла. Она чувствовала грусть, но она не позволяла ей овладеть собой. Она знала, что она сделала правильный выбор. Она была свободна. И это было прекрасно.

Она сидела на крыльце своего дома, смотрела на реку и чувствовала, как ветер касается её лица. Она улыбнулась. Она была счастлива.

Она знала, что её жизнь только начинается. Она знала, что впереди её ждут новые испытания, новые приключения, новая любовь. И она была готова к ним. Она была сильной. Она была свободной. Она была Элисией.

Элисия встала с крыльца и пошла к реке. Она хотела искупаться, хотела почувствовать, как вода касается её кожи. Она разделась и вошла в воду, и холод обжёг её, но это было приятно.

Она закрыла глаза и позволила себе раствориться в этом моменте. Она была свободна. Она была счастлива.

Она плавала, ныряла, чувствовала, как вода обнимает её. Она вышла на берег, села на траву и посмотрела на закат. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в золотые и розовые оттенки. Она чувствовала, как её сердце наполняется радостью. Она была жива.

— Я сделала это, — прошептала она. — Я сбежала. Я начала новую жизнь. Я свободна.

Она улыбнулась и пошла домой. Завтра будет новый день, и он принесёт ей новые надежды и новые мечты. Она была готова к ним. Она была сильной. Она была свободной. Она была Элисией.

ГЛАВА 6. ПЕРВАЯ СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Судьба любит играть с нами в свои игры, сводя нас с теми, от кого мы бежим, и разлучая с теми, кого мы ищем.

Прошло три дня с тех пор, как Ксавьер впервые увидел танцующую девушку у реки. Три дня, в течение которых он не мог думать ни о чём другом. Три дня, в течение которых он возвращался к тому месту снова и снова, надеясь увидеть её, но находил только пустой берег и тишину. Три дня, в течение которых его сердце, казалось, билось в такт с её невидимым танцем.

Он сидел в своей комнате в трактире «Золотой петух» в соседнем городе, и его мысли были далеко — в той деревушке, где он встретил её. Он смотрел на лоскуток ткани, который нашёл под старым дубом — кусочек её платья, зацепившийся за кору. Он держал его в руках, чувствуя её запах — травы, реки, свободы. Он не знал, кто она, но он знал, что должен найти её.

Он встал и подошёл к окну. За окном был серый, дождливый день, но это не имело значения. Он должен был ехать. Он должен был найти её.

— Я не могу просто сидеть здесь, — сказал он себе. — Я должен увидеть её снова. Я должен узнать, кто она.

Он оделся в простую охотничью одежду — кожаный жилет, тёмные штаны, сапоги. Он взял лук, стрелы и сел на коня. Он решил, что будет искать её под видом охоты. Это было правдоподобно — он часто охотился в этих местах, и никто не удивился бы его появлению.

Он ехал через поля, и его взгляд искал её фигуру у реки. Но её там не было. Он объехал всю округу, но она исчезла, как будто её никогда не было. Он чувствовал, как его сердце наполняется грустью. Что если он больше никогда не увидит её? Что если она уехала, исчезла, растворилась в этом мире, как утренний туман?

Он уже почти сдался, когда его конь повернул к деревушке Крайние Холмы. Это была маленькая, уютная деревня, затерянная среди полей и лесов. Ксавьер решил заехать туда, чтобы попить воды и расспросить местных жителей. Может быть, кто-то знал её.

Он подъехал к колодцу в центре деревни и слез с коня. Вокруг было тихо — только куры копошились в пыли, и какая-то старуха сидела на крыльце и вязала. Он уже собирался заговорить с ней, когда услышал шаги.

Он обернулся и замер.

Она стояла в нескольких шагах от него, с кувшином в руках. На ней было простое зелёное платье, которое она носила в день их первой встречи, и её волосы были перевязаны лентой. Она смотрела на него с лёгким удивлением, но в её глазах не было страха. Только спокойствие.

— Вы? — сказала она, и её голос был мягким, как шелест листьев. — Что вы здесь делаете?

Ксавьер почувствовал, как его сердце забилось быстрее. Он хотел сказать что-то умное, что-то, что объяснило бы его присутствие, но слова застряли в горле.

— Я... я охочусь, — сказал он наконец, чувствуя себя глупо. — Я искал дичь и забрёл сюда. Я не ожидал встретить вас здесь. Я думал... я думал, что вы уехали.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что он почувствовал, как его душа тает.

— Я живу здесь, — сказала она. — Вон в том домике у реки. Я — Элисия. Мы уже встречались у реки. Помните?

— Я помню, — сказал он, и его голос был тихим. — Я помню всё.

Они стояли у колодца, и между ними повисла та особенная тишина, которая возникает между двумя людьми, когда они чувствуют друг друга без слов. Ветер играл с её волосами,

и она убрала прядь за ухо, и это движение было таким естественным, таким красивым, что у него перехватило дыхание.

— Вы пришли за водой? — спросила она, нарушая тишину.

— Да, — ответил он, хотя на самом деле он не знал, зачем он пришёл. — Я хотел напиться. Можно?

Она кивнула и опустила кувшин в колодец. Её движения были плавными и уверенными, как у человека, который привык делать это каждый день. Она подняла кувшин, наполненный холодной водой, и протянула ему.

— Держите, — сказала она.

Он взял кувшин и сделал глоток. Вода была холодной и чистой, и она освежила его, но не могла утолить жажду, которую он чувствовал внутри — жажду увидеть её снова.

— Спасибо, — сказал он, возвращая кувшин.

— Не за что, — ответила она. — Вы часто охотитесь в этих местах? Я не видела вас раньше. До той встречи у реки.

— Я... я редко бываю здесь, — сказал он. — Но я решил, что мне нужно отдохнуть от... от всего. От города, от обязанностей, от людей. Я хотел побыть один.

Она посмотрела на него с пониманием, и он почувствовал, что она знает, о чём он говорит.

— Я понимаю, — сказала она. — Иногда быть одному — это лучшее, что можно сделать для себя. Это помогает понять, кто ты на самом деле.

Он кивнул, и между ними снова возникла та особенная связь, которую он чувствовал у реки. Он знал, что это не было случайностью. Он знал, что судьба привела его сюда, к этому колодцу, к этой женщине.

— Вы не против, если я задержусь здесь немного? — спросил он. — Я хочу... я хочу поговорить с вами. Вы кажетесь мне человеком, который понимает.

Она улыбнулась, и в её улыбке было всё её сердце.

— Я не против, — сказала она. — Садитесь. Я как раз собиралась завтракать. Хотите присоединиться? У меня есть свежий хлеб и мёд.

Он кивнул, и они пошли к её дому. Они шли по тропинке, и он смотрел на неё, чувствуя, как его сердце наполняется теплом. Он не знал, что это начало чего-то великого. Но он чувствовал, что его жизнь уже никогда не будет прежней.

Они сидели за маленьким деревянным столом в её домике, и солнечный свет проникал через открытое окно. Комната была простой, но уютной, с цветами на подоконнике, книгами на полках и запахом трав, который витал в воздухе. Она нарезала хлеб и налила мёд в маленькую миску. Её движения были уверенными и грациозными, как у человека, который привык делать всё своими руками.

— Расскажите мне о себе, — сказала она, протягивая ему кусок хлеба. — Вы сказали, что вы из города. Что вы там делаете? Чем вы занимаетесь?

Ксавьер задумался. Он не хотел говорить ей, кто он на самом деле. Он хотел, чтобы она видела в нём просто мужчину, а не наследного принца. Он хотел, чтобы она относилась к нему как к обычному человеку.

— Я... я работаю в администрации, — сказал он, выбирая слова. — Много бумаг, много встреч, много людей, которые пытаются использовать меня для своих целей. Это утомляет. Я часто чувствую себя пешкой в чужой игре. Поэтому я приезжаю сюда, чтобы отдохнуть.

Она кивнула, и он увидел в её глазах понимание.

— Я знаю, что такое быть пешкой в чужой игре, — сказала она. — Я тоже когда-то была в такой ситуации. Это трудно. Это заставляет тебя чувствовать себя беспомощным и потерянным.

— А как вы справились? — спросил он.

— Я ушла, — сказала она просто. — Я оставила всё позади и начала новую жизнь. Я не знала, куда иду, но я знала, что должна уйти. И я нашла это место, этот дом, эту реку. Здесь я могу быть собой.

Ксавьер смотрел на неё, и его сердце билось быстрее. Она была такой же, как он. Она тоже бежала от своей судьбы, тоже искала свободу, тоже хотела быть собой.

— Я хочу быть как вы, — сказал он. — Я хочу иметь смелость уйти.

— У вас есть смелость, — ответила она. — Вы просто ещё не знаете об этом. Но когда вы найдёте то, что действительно важно, вы найдёте и смелость.

Они сидели в тишине, и он чувствовал, как между ними возникает что-то большее, чем просто разговор. Это была связь, которая выходила за пределы слов.

— Можно мне прийти снова? — спросил он. — Я хочу... я хочу узнать вас лучше.

Она улыбнулась, и в её улыбке было согласие.

— Приходите, — сказала она. — Я буду здесь. Я всегда здесь.

Ксавьер уехал только к вечеру. Он чувствовал, что его душа наполнилась светом, которого не было уже долгие годы. Он нашёл то, что искал. Он нашёл её. И он знал, что не позволит этой встрече быть случайной.

Он вернулся в город, но его мысли были только о ней. Он думал о её глазах, о её улыбке, о её голосе. Он думал о том, что она сказала, о её свободе, о её смелости. Он хотел быть таким же свободным, как она. Он хотел быть рядом с ней.

Он решил, что будет возвращаться к ней снова и снова. Он будет узнавать её, и она узнает его. Он будет строить с ней отношения, которые будут основаны на искренности и доверии. Он будет делать всё, чтобы завоевать её сердце.

Он не знал, что она была Кассандрой Торонт, той самой девушкой, с которой он танцевал на балу десять лет назад. Он не знал, что она бежала от своей судьбы, как и он. Он не знал, что их встреча была не случайной, а предначертанной судьбой.

Но он знал одно: он должен был увидеть её снова. И он был готов на всё, чтобы это сделать.

Кассандра сидела на крыльце своего дома и смотрела на закат. Она думала о Ксавьере, о его глазах, о его голосе, о его словах. Она знала, кто он. Она знала, что он — наследный принц, тот самый человек, с которым она танцевала на балу десять лет назад. Она знала, что он — её судьба. Но она также знала, что не может сказать ему правду. Не сейчас. Она боялась, что он отвернётся от неё, если узнает, что она — Кассандра Торонт. Она боялась, что он увидит в ней только лгунью, которая скрывала свою настоящую личность.

Но она также знала, что не может уйти от него. Она чувствовала, что между ними возникает что-то важное, что-то, что выходило за пределы их титулов и прошлых жизней. Она чувствовала, что он был тем, кого она искала всю свою жизнь.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Завтра будет новый день. И она будет готова к нему.

Она не знала, что её жизнь скоро изменится. Что Ксавьер вернётся, что он будет искать её, что их встреча станет началом чего-то великого. Она не знала, что её прошлое настигнет её, и что ей придётся бороться за свою любовь. Но она была готова.

Она была сильной. Она была свободной. Она была Элисией.

На следующее утро Ксавьер снова приехал в деревню. Он не мог ждать. Он должен был увидеть её. Он нашёл её у реки, где она сидела и читала книгу. Солнце освещало её лицо, и она выглядела такой мирной, такой спокойной, что у него перехватило дыхание.

— Я вернулся, — сказал он, подходя к ней.

Она подняла голову и улыбнулась, как будто ждала его.

— Я знала, что вы вернётесь, — сказала она. — Я чувствовала это.

— Вы чувствовали? — спросил он, и его голос был тихим.

— Да, — сказала она. — Я чувствую, что между нами есть что-то особенное. Что-то, что нельзя объяснить словами.

Он сел рядом с ней, и они смотрели на реку. Вода тихо журчала, и ветер играл с листьями деревьев. Это был идеальный момент, который они оба запомнили навсегда.

— Я хочу знать всё о вас, — сказал он. — Я хочу знать, кто вы, откуда вы, что вы чувствуете. Я хочу знать всё.

Она посмотрела на него, и в её глазах была смесь страха и надежды.

— Вы готовы услышать правду? — спросила она.

— Я готов, — сказал он.

Она глубоко вздохнула и начала рассказывать. Она рассказала ему о своей семье, о своей сестре, о том, как она сбежала. Она рассказала ему, что она — Кассандра Торонт, та самая девушка, с которой он танцевал на балу десять лет назад.

Ксавьер слушал её молча. Он не прерывал её, не задавал вопросов. Он просто слушал, и его глаза были полны понимания.

Когда она закончила, он взял её за руку.

— Я знаю, кто ты, — сказал он. — Я помню тебя. Ты танцевала со мной на балу десять лет назад. Ты была маленькой и застенчивой, но в твоих глазах горел огонь. Я никогда не забывал этого.

Кассандра посмотрела на него, и в её глазах были слёзы.

— Ты помнишь? — прошептала она.

— Я помню всё, — сказал он. — И я рад, что мы встретились снова.

Они сидели у реки, и их сердца бились в унисон. Они знали, что впереди их ждут новые испытания, но они не боялись. Потому что они были вместе. И это было всё, что имело значение.

Прошло несколько дней. Ксавьер приезжал в деревню каждый день. Они гуляли у реки, разговаривали, смеялись. Он чувствовал, что его жизнь наполняется смыслом, которого не было долгие годы. Она была его вдохновением, его надеждой, его любовью.

Он не знал, что скоро ему придётся уехать. Что его отец потребует его возвращения в столицу. Что придворные интриги снова начнут окружать его. Но он был готов. Потому что он знал, что она будет ждать его. И он вернётся.

Он вернётся к ней, потому что она была той, кого он искал всю свою жизнь. Она была его судьбой.

Элисия сидела на крыльце своего дома и смотрела на закат. Она думала о Ксавьере, о том, что он узнал правду, и что он принял её. Она чувствовала, как внутри неё растёт надежда. Надежда на то, что они смогут быть вместе. Надежда на то, что их любовь победит все преграды.

Она улыбнулась и закрыла глаза. Завтра будет новый день. И она будет готова к нему.

Она была сильной. Она была свободной. Она была Элисией. И она была влюблена.

ГЛАВА 7. МАГИЯ ЧЕРНИЛ

*Иногда самые великие открытия
рождаются из случайности, а самые
простые вещи могут изменить ход
истории.*

Прошло две недели с тех пор, как Ксавьер впервые появился в деревушке Крайние Холмы. Две недели, в течение которых Элисия чувствовала себя так, как не чувствовала уже долгие годы. Она была счастлива. Она была свободна. Но вместе с этим счастьем в её жизни появилось и нечто новое — работа, которая стала для неё не просто способом заработка, но и страстью, смыслом, искусством.

Она сидела в своей маленькой мастерской, которая располагалась в единственной комнате её домика, и смотрела на разложенные перед ней ингредиенты. На деревянном столе стояли глиняные горшочки с травами, корнями, ягодами, минералами. В углу лежали ступы и пестики, которыми она растирала ингредиенты в пыль. Вдоль стены стояли стеклянные флаконы с уже готовыми чернилами разных оттенков — от тёмно-синего до глубокого фиолетового. Каждый флакон был подписан её рукой, и она знала состав каждого из них наизусть.

Её чернила уже пользовались популярностью в деревне и соседних городах. Местный писарь, старый мастер Эдмунд, говорил, что они лучше тех, что привозят из столицы. Торговцы заказывали у неё партии для продажи на ярмарках. Она зарабатывала достаточно, чтобы не нуждаться в чьей-либо помощи. Но она знала, что это только начало. Она чувствовала, что может создать что-то большее, что-то уникальное, что-то, что никто другой не мог сделать.

Она смотрела на ингредиенты, разложенные перед ней, и её мысли блуждали. Она думала о том, какие новые рецепты она может попробовать, какие комбинации трав и минералов могут дать неожиданный результат. Она уже перепробовала десятки вариантов, но всегда искала что-то новое, что-то, что могло бы удивить её саму.

Она взяла в руки маленький кусочек лунного камня, который нашла на берегу реки несколько дней назад. Камень был гладким, с перламутровым отливом, и на солнце он переливался всеми оттенками радуги. Она не знала, что это такое, но чувствовала, что в нём есть что-то особенное. Она держала его в руках, ощущая странное тепло, которое исходило от камня. Это было похоже на слабый пульс, как будто камень был живым.

— Что ты такое? — прошептала она, глядя на камень.

Она вспомнила, что когда-то в замке она читала книгу о минералах. В ней говорилось о лунных камнях — редких минералах, которые обладали магическими свойствами. Говорили, что они могут накапливать свет и отдавать его в темноте. Она не знала, правда ли это, но решила проверить.

Она положила камень на стол и начала измельчать его в ступке. Камень был твёрдым, и ей потребовалось много усилий, чтобы превратить его в мелкую пыль. Она работала до позднего вечера, и её руки болели от напряжения, но она не останавливалась. Она чувствовала, что делает что-то важное.

Когда камень был измельчён, она смешала его с травами, которые собирала на берегу реки — с мятой, шалфеем, полынью. Она добавила несколько капель масла лаванды и немного угольной пыли. Она перемешала всё это в глиняной миске и залила водой. Жидкость приобрела странный серебристый оттенок, который она никогда раньше не видела.

Она взяла перо, окунула его в смесь и написала несколько слов на листе бумаги. Чернила ложились ровно, и они были тёмными, почти чёрными. Она подождала, пока они высохнут, и посмотрела на текст. Он был виден отчётливо. Она разочарованно вздохнула. Ничего нового.

— Может быть, я ошиблась, — пробормотала она.

Она отложила лист и убрала инструменты. Было уже поздно, и она устала. Она решила, что закончит эксперименты завтра. Она погасила свечу и легла спать.

Она проснулась в середине ночи от странного ощущения. Что-то было не так. Она открыла глаза и оглядела комнату. Всё было тихо. Только лунный свет проникал через окно, заливая комнату холодным серебристым сиянием.

И вдруг она увидела это.

На столе лежал лист бумаги, на котором она писала вечером. И на нём светились слова. Они были видны только при лунном свете — мягкие, серебристые, почти прозрачные. Она не могла поверить своим глазам.

— Это невероятно, — прошептала она.

Она встала с кровати и подошла к столу. Она поднесла лист к окну, и слова засияли ярче. Она поняла, что чернила, которые она создала, становились видимыми только при лунном свете. Она попробовала зажечь свечу, и слова исчезли. Она снова поднесла лист к луне, и они появились снова.

— Я создала нечто уникальное, — сказала она, и её голос дрожал от волнения.

Она провела несколько часов, экспериментируя с новыми чернилами. Она писала разные тексты, и все они проявлялись только при лунном свете. Она поняла, что это свойство было связано с лунным камнем, который она добавила в смесь. Камень накапливал свет и отдавал его в темноте, делая чернила видимыми только при определённых условиях.

Она чувствовала, что сделала великое открытие. Эти чернила могли быть использованы для секретных сообщений, для шифрования, для передачи важной информации. Она понимала, что это может быть опасно, если попасть в неправильные руки. Но она также знала, что это может спасти жизни.

Она села за стол и начала записывать рецепт в свою книгу. Она подробно описывала каждый ингредиент, каждую пропорцию, каждый шаг. Она хотела сохранить этот секрет для себя, для того, чтобы использовать его, когда придёт время.

Она не знала, что этот секрет вскоре спасёт королевство.

В последующие дни Элисия продолжала экспериментировать с чернилами. Она пробовала разные травы, разные минералы, разные пропорции. Она создала несколько вариантов чернил, каждый из которых имел свои уникальные свойства. Некоторые из них становились видимыми только при лунном свете, другие — только при свете звёзд, третьи — только при тепле, которое исходило от рук человека.

Она была в восторге. Она чувствовала, что её работа имеет смысл, что она делает нечто важное. Она больше не была просто девушкой, которая делала чернила для заработка. Она была изобретательницей, создательницей, волшебницей.

Она часто думала о том, как можно использовать эти чернила. Она видела их потенциал. Они могли быть использованы для тайных переговоров, для секретных договорённостей, для шифрования важных сообщений. Она понимала, что это может быть опасно, но она также знала, что это может быть полезно.

Она сидела у реки, и её мысли были заняты чернилами. Она смотрела на воду, на старый дуб, на закат, и чувствовала, как её сердце наполняется радостью. Она создала нечто уникальное, нечто, что могло изменить мир.

— Что ты делаешь? — раздался голос за её спиной.

Она обернулась и увидела Ксавьера. Он стоял у старого дуба и улыбался ей. Он был в простой охотничьей одежде, и его волосы были растрёпаны ветром. Он выглядел уставшим, но счастливым.

— Я думаю о чернилах, — сказала она. — Я сделала нечто удивительное.

— Расскажи мне, — сказал он, садясь рядом с ней.

Она начала рассказывать. Она рассказала ему о лунном камне, о своих экспериментах, о том, как чернила проявляются только при определённых условиях. Она говорила с таким вдохновением, что он не мог не слушать.

— Это невероятно, — сказал он, когда она закончила. — Ты создала нечто, что может изменить мир.

— Я знаю, — ответила она. — Но я не знаю, как это использовать. Я боюсь, что это может попасть в неправильные руки.

— Это останется нашей тайной, — сказал он, беря её за руку. — Мы будем использовать это для добра.

Она улыбнулась и почувствовала, как её сердце наполняется теплом. Она знала, что он был тем, кому она могла доверять. Он был её союзником, её другом, её любовью.

Прошло несколько дней. Элисия продолжала работать над своими чернилами, и её репутация росла. Люди из соседних деревень приезжали к ней, чтобы купить её чернила. Она стала известна как мастерица, которая делала лучшие чернила в округе.

Но её тайные чернила оставались секретом. Она хранила их в маленьком флаконе в самом дальнем углу своей мастерской. Она никому не показывала их, никому не рассказывала о них. Она знала, что этот секрет может быть опасен, и она была готова защищать его.

Однажды вечером, когда она работала в своей мастерской, она услышала стук в дверь. Она открыла и увидела незнакомца. Это был мужчина в дорогой одежде, с гербом королевской семьи на плаще. Его лицо было серьёзным, и в его глазах была тревога.

— Вы — Элисия? — спросил он.

— Да, — ответила она, чувствуя, как её сердце забилось быстрее.

— Меня зовут Лоренцо, — сказал он. — Я брат Кассандры Торонт. Мне нужно поговорить с вами. Это срочно.

Элисия замерла. Она не знала, что делать. Она не знала, что он знает о ней. Она не знала, что ему нужно.

— Что вам нужно? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я знаю, что вы — Кассандра, — сказал он тихо. — Я знаю, что Эстелла поменялась с вами телами. Я знаю всё. И я здесь, чтобы помочь вам. Но у меня мало времени. Эстелла планирует свергнуть вас. И она использует магию, чтобы разрушить всё, что вы построили.

Элисия почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она знала, что Эстелла была опасна, но она не знала, что её сестра уже начала действовать. Она знала, что должна что-то сделать. Она должна была остановить Эстеллу. Она должна была защитить себя и своих близких.

— Что мне делать? — спросила она.

— Вы должны использовать свои чернила, — сказал Лоренцо. — Я слышал о них. Я знаю, что они могут быть использованы для шифрования сообщений. И я знаю, что они могут помочь нам остановить Эстеллу.

Элисия посмотрела на него, и в её глазах была решимость. Она знала, что её секрет больше не был секретом. Она знала, что её чернила могли спасти королевство. И она была готова использовать их.

— Я сделаю это, — сказала она. — Я помогу вам.

Она чувствовала, что её жизнь снова изменилась. Но на этот раз она была готова к этому. Она была сильной. Она была свободной. И она была готова бороться за то, что она любила.

Она провела несколько дней, работая над чернилами. Она создала несколько флаконов с невидимыми чернилами и отдала их Лоренцо. Он использовал их для написания тайных сообщений, которые могли быть прочитаны только при лунном свете. Эти сообщения были отправлены союзникам, которые могли помочь остановить Эстеллу.

Она чувствовала, как её сердце наполняется гордостью. Она больше не была просто девушкой, которая делала чернила. Она была частью чего-то большего. Она была частью борьбы за свободу королевства.

Она сидела у реки и смотрела на закат. Ксавьер сидел рядом с ней. Он взял её за руку и сжал её.

— Ты сделала это, — сказал он. — Ты спасла королевство.

— Мы сделали это, — ответила она. — Мы сделали это вместе.

Она улыбнулась и прижалась к нему. Она чувствовала, как её сердце наполняется счастьем. Она была свободна. Она была счастлива. И она была готова к тому, что ждало её впереди.

Она не знала, что Эстелла уже готовила свой следующий удар. Но она была готова к нему. Она была сильной. Она была свободной. И она была Элисией.

Прошло ещё несколько дней. Элисия работала в своей мастерской, когда получила письмо от Лоренцо. В нём говорилось, что Эстелла была поймана и что её магия была разрушена. Королевство было спасено.

Она чувствовала, как облегчение разливается по её телу. Всё закончилось. Эстелла больше не была угрозой. Она могла жить спокойно, не боясь за себя и за своих близких.

Она вышла на крыльцо и посмотрела на закат. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в золотые и розовые оттенки. Она чувствовала, как её сердце наполняется радостью. Она была свободна. Она была счастлива.

Она взяла свой карманное зеркальце и посмотрела на своё отражение. В отражении она увидела лицо Эстеллы, но в её глазах был свет, который был её собственным. Она улыбнулась и убрала зеркальце.

Она была Элисией. И это было всё, что имело значение.

Она стояла у реки и смотрела на воду. Её мысли были заняты прошлым, настоящим и будущим. Она вспоминала свои первые дни в деревушке, свои первые эксперименты с чернилами, свои первые встречи с Ксавьером. Она чувствовала, что её жизнь была полна смысла.

Она взяла флакон с невидимыми чернилами и посмотрела на него. Этот маленький флакон изменил её жизнь. Он дал ей силу, уверенность, надежду. Он помог ей спасти королевство. Он помог ей найти любовь.

Она улыбнулась и убрала флакон в карман. Она знала, что её жизнь теперь никогда не будет прежней. Но она была готова к этому. Она была готова к новым испытаниям, новым приключениям, новой любви.

Она была сильной. Она была свободной. Она была Элисией.

Ксавьер подошёл к ней и обнял её сзади. Она почувствовала его тепло, его запах, его дыхание. Она знала, что он был с ней. Он всегда был с ней.

— Ты думаешь о чём? — спросил он.

— Я думаю о том, как я счастлива, — сказала она. — Я думаю о том, что я никогда не думала, что смогу быть так счастлива.

— Ты заслуживаешь счастья, — сказал он. — Ты прошла через ад, чтобы найти его. И я буду делать всё, чтобы ты была счастлива каждый день.

Она повернулась к нему и поцеловала его. Их поцелуй был долгим и тёплым, как луч солнца. И она знала, что это было только начало. Она знала, что её жизнь будет полна любви и счастья. Она знала, что она выбрала правильный путь.

Она была Элисией. И она была счастлива.

Ночью Элисия сидела в своей мастерской и смотрела на невидимые чернила. Она думала о том, что она создала нечто уникальное, нечто, что могло изменить мир. Она чувствовала, что её жизнь была полна смысла.

Она взяла перо, окунула его в чернила и написала несколько слов на листе бумаги. Она поднесла лист к лунному свету, и слова засияли.

«Я — Элисия, — написала она. — Я свободна. Я счастлива. Я люблю. И я готова к тому, что ждёт меня впереди».

Она улыбнулась и убрала лист в ящик стола. Она знала, что этот секрет будет храниться с ней. Он был её тайной, её силой, её надеждой.

Она легла спать и закрыла глаза. Она знала, что завтра будет новый день, и он принесёт ей новые надежды и новые мечты. Она была готова к ним.

Она была сильной. Она была свободной. Она была Элисией.

ГЛАВА 8. ИНТРИГИ В ЗАМКЕ

Власть — это опасная игра, и те, кто не знает правил, часто становятся её жертвами, даже когда думают, что управляют ею.

Замок Торонт сиял в лучах утреннего солнца, и Эстелла смотрела на это великолепие из окна своей новой комнаты — комнаты, которая когда-то принадлежала Кассандре. Она стояла у высокого окна с витражным стеклом, и солнечные лучи проникали сквозь цветные стёкла, окрашивая её лицо в оттенки синего и золотого. Она чувствовала себя королевой. Она чувствовала себя той, кем всегда хотела быть.

Она провела рукой по шёлку своей новой ночной рубашки, ощущая, как дорогая ткань скользит по коже. Всё вокруг неё было роскошным — кровать с балдахином, украшенная золотыми нитями, тяжёлые бархатные шторы, которые падали на пол мягкими складками, позолоченная мебель и изящные безделушки, которые стояли на каминной полке. Она смотрела на это богатство и чувствовала, как внутри неё растёт гордость. Это было её. Всё это теперь принадлежало ей.

Она подошла к гардеробу и открыла его. Платья Кассандры висели в идеальном порядке — шёлк, бархат, парча, кружево. Каждое платье было сшито на заказ лучшими портными королевства. Эстелла провела пальцами по тканям, чувствуя их мягкость и вес. Она взяла платье из тёмно-синего бархата, расшитое серебряными нитями, и прижала его к себе. Она чувствовала, как внутри неё растёт восторг.

— Я наконец-то здесь, — прошептала она. — Я наконец-то стала ею.

Она оделась, и служанка помогла ей зашнуровать корсет. Она смотрела на себя в зеркало и чувствовала, как красота Кассандры становится её собственной. Она улыбнулась своему отражению, и это была та улыбка, которую она всегда хотела иметь — уверенная, гордая, властная.

Она спустилась в столовую, где родители уже сидели за столом. Герцог и герцогиня Торонт смотрели на неё с лёгким удивлением. Они не привыкли видеть свою дочь такой уверенной и сияющей. Обычно Кассандра была тихой и скромной, она избегала внимания и старалась быть незаметной. Но теперь она была другой. Она была яркой, она была смелой, она была той, кто привлекал взгляды.

— Кассандра, ты выглядишь иначе, — сказала герцогиня, и в её голосе была лёгкая настороженность.

— Я просто решила, что пришло время измениться, — ответила Эстелла, и её голос звучал мягко, но уверенно. — Я устала быть тенью. Я хочу быть той, кого уважают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.